МИРЫ, РОЖДЕННЫЕ ВООБРАЖЕНИЕМ

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Z

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

№ 3, март, 2006 год

Цена свободная

Интервью с Г. Л. Олди

Репортаж с Басткона-2006

Легенда о Добром Шубине

Чингiз-Ханум

Отзывы наших читателей

Колдовские миры Дианы Уинн Джонс

Новый литературный конкурс

Коллаж — Мировое Зло

Подписной индекс 09752

Ярослава КУЗНЕЦОВА (Москва)

С праздником, дорогие женщины!

Желаем вам не только 8 марта, но весь год быть фантастически красивыми, фантастически умными и фантастически счастливыми. Пусть работа будет приятной, отдых — расслабляющим, семья — любящей, а враги — мелкими и нестрашными.

Март для украинской фантастики славен, кроме всего прочего, днями рождения Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, более известных как Генри Лайон Олди. "Просто фантастика", конечно же, не могла обойти стороной это событие. Читайте в номере интервью с писателем и некоторые другие материалы, размещенные с любезного согласия Г. Л. Олди.

Поздравлять авторов с днями рождения мы собираемся и впредь. В ближайших номерах ждите развернутых материалов, посвященных С. Дяченко и С. Лукьяненко.

Оставайтесь с нами!

КЛФ живы!

... А помните, как все начиналось? Как собирались в квартирах, как до хрипоты обсуждали потрепанную книгу, обошедшую всех друзей, знакомых, знакомых друзей... Помните, как ходили в библиотеки, узнав от приятеля о свежем номере журнала "Техника–молодежи", в котором напечатали очередной отрывок Эдмонда Гамильтона?

Ушло? Не верим!

"Просто фантастика" начинает цикл статей о клубах любителей фантастики. Целью этих публикаций является информирование читателей нашей газеты о том, что где–то — возможно, совсем рядом! — собираются вместе их единомышленники; люди, которые не мыслят без фантастики своей жизни.

Первым в нашем обзоре представляем Клуб Фантастов Крыма. Он был создан в 2003 году, и с тех пор ежемесячно каждую четвертую среду собирается по адресу: г. Симферополь, ул. Дыбенко, 12, Хайдельберг–Центр. Целью Клуба на ближайшие годы является открытие и выявление новейшей творческой генерации Крыма. Средством Клуба является уже действующий ежегодный семинар и одноименный с ним литературный альманах. Первый номер литературного альманаха "Фанданго" вышел в Симферополе, в ТО "КаФКа" в 2005 году. В нем можно найти "традиционное" НФ, фэнтези, стихи, сказки, статьи — и все это под цветной обложкой с оригинальной иллюстрацией и на бумаге хорошего качества.

Меморандум Клуба Фантастов Крыма подписало уже более шестидесяти человек — крымчан, живущих в разных городах и поддержавших идею независимого творческого объединения.

Основатель Клуба, Валерий Гаевский, говорит: "Вряд ли кто–либо из объединившихся пожалеет о своем совместном выборе. Он хорош еще и тем, что в пути рождает друзей, устанавливает связи и Связь, иногда даже сакральную, неслучайную, глубоко внутреннюю, явную, быть может, только для двоих..."

Крымчане, вас ждут друзья и единомышленники!

В следующем выпуске мы расскажем о Клубе любителей фантастики г. Киева, созданном редакцией просто фантастического журнала "Реальность фантастики".

Друзья, если вы хотите, чтобы газета напечатала информацию о вашем Клубе, присылайте нам сообщения! Адрес указан на последней странице газеты. Также сообщения можно посылать по электронному адресу prosto_f@mail.ru.

Новые книги

В марте издательство "Альфа–книга" порадует своих читателей такими фантастическими книгами: В.Синельников "Браслет Агасфера", К.Касслер "Троянская Одиссея", С.Шведов "Черный колдун", И.Поль "Знакомьтесь — Юджин Уэллс, капитан", Р.Злотников, А.Краснов "Леннар. Сквозь Тьму и... Тьму" (все — серия "Фантастический боевик"); Р. и А.Уэно "Ко(с)мическая опера", Ю.Набокова "Волшебница–самозванка", М.Зинченко "Кристалл желаний", С.Платов "Дружина особого назначения" (все — серия "Юмористическая фантастика"); А.Якубова "Путь палача", И.Эльтеррус "Бремя императора. Скрытое пророчество", В.Грацкий "Разлом", В.Иващенко "Честь, шпага и немного волшебства" (все — серия "Магия фэнтези"). Допптиражи и переиздания ждут книги И.Поля, С.Зайцева, А.Орлова, А.Пехова, Р.Злотникова, О.Громыко и А.Белянина.

В издательстве "Крылов" выходят: Ю. Гаврюченков "Кладоискатель. Книга 1. Кладоискатель и сокровище ас–Сабаха", А.Горелинкова "Талисманы судьбы", О.Григорьева "Стая. Набег", О.Григорьева "Колдун. Берсерк", Е.Дворецкая "Лес на той стороне. Книга 1", Е.Дворецкая "Корабль во фьорде. Книга 1", В.Елманов "Крест и посох", В.Елманов "Око Марены", А.Калганов "Шаман всея Руси. Книга 2. Родина слонов", Р.Мельников "Тевтонский крест. Тайный рыцарь", А.Посняков "Вещий князь. Книга 1. Сын ярла. Книга 2. Первый поход", Ф.Разумовский "Смилодон", А.Тихонов "Остров Мечты", С.Фомичев "Мещерские волхвы. Книга 3. Сон Ястреба".

Издательство "Форум" в серии "Другая сторона" выпустит вторую часть "Рыцаря Ордена" С.Садова — "Рыцарь двух миров", книги И.Носырева "Карта мира", А.Соколова и В.Каплана "Струна", В.Аренева "Магус".

По информации издательств

БАСТКОН-2006

Литературно-практическая конференция имперского право-консервативного клуба ЛГФ "Бастион"

Итак, первый конвент года. Где–то за городом. Пансионат "Подмосковье". Температура за бортом —30.

Организаторы Басткона, наверное, не выкладывали в интернет вообще никакой информации о том, как добраться в этот пансионат самостоятельно. Посему попасть туда можно было двумя путями: или же изначально знать месторасположение пансионата, либо спросить дорогу у тех, кто уже добрался и отогревается.

Кстати, информации о самом факте проведения Басткона тоже было очень мало.

Но, несмотря на такую "зашифрованность", на Басткон приехало около ста двадцати человек. Это больше, чем ожидали организаторы. Как тут не восхититься мужеством не побоявшихся замерзнуть в лесах Подмосковья фантастов!

Басткон длится два дня (вечер пятницы, суббота, утро воскресенья), вместо привычных для конвента трех. Хотя и конвентом его назвать сложно — сказано же: "литературно–практическая конференция".

Рабочая программа этого года была такой:

Доклады: А.Ройфе "Ксенофилия в кинематографе"; М.Звездецкая "Мистика в литературе нового века".

Дискуссии "Почва для современной русской фэнтези" и "Россия: технологии смуты".

Семинары: "Альтернативная история в художественной литературе"; "История и литература".

Также прошли **литературные семинары под руководством Э.Геворкяна и А.Громова**, — на них обсуждались рукописи начинающих авторов.

Отдельно от мероприятий, на которых присутствовала основная часть гостей, имела место **школа переводческого мастерства** под руководством В.Баканова и Е.Доброхотовой–Майковой.

На Бастконе были замечены: писатели К.Бенедиктов, Д.Володихин, Э.Геворкян, В.Головачев, А.Громов, Г.Гусаков, А.Золотько, А.Зорич, Л.Каганов, В.Мидянин, А.Николаев, О.Овчинников, И.Пронин, переводчики В.Баканов, Е.Доброхотова–Майкова, критики В.Владимирский, Г.Елисеев, С.Алексеев, Д.Кумок, С.Некрасов, А.Ройфе, А.Синицын, И.Черный. Представители издательств АСТ, Азбука, "Мануфактура", Лепта", "Форум", представители Союза православных граждан К.Фролов и Р.Силантьев.

Награды:

Литпремия "Баст",

вручаемая И.Черным от лица группы писателей, работающих в историко–фантастической нише, досталась:

— Баст–1 О.Елисеевой за солидный вклад в жанр;

— Баст–2 Г.Л. Олди, А.Валентинову и М. и С.Дяченко за "Пентакль";

— Баст–3 В.Бурцеву за роман "Пленных не брать".

Особая премия Союза православных граждан:

— С.Чекмаеву за роман "Анафема".

Премия "Звездная колыбель" (учредитель — коллегия литературного семинара "Бастион") ввиду того, что мнения номинантов разошлись, вручена одновременно двум авторам:

— О.Кулагину за роман "Московский лабиринт";

— А.Мурадовой за роман "Беглая книга".

Премия "Бесобой" (за успехи в сфере мистической литературы):

— С.Чекмаеву, за роман "Анафема".

Премия "За поддержание традиций интеллектуальной фантастики"

(в настоящее время учредители — ЗАО "Мануфактура", Историко–просветительское общество и Д.Володихин лично):

— Ю.Вознесенской за дилогию "Юлианна".

Премия "Зеркало" (успехи в переводе), вручает В.Баканов:

— Н.Красников за перевод У.Гибсона.

Премия "Иван Калита"

(коммерческая [в этом году — 5000 руб.], ее судьбу решает та часть конвента, которая готова выложить за право голосования по 100 руб.):

— Е.Чудинова, за роман "Мечеть Парижской богоматери".

Премия "Чаша Бастиона"

(номинация за 2005 год составлена С.Алексеевым, Д.Володихиным, Э.Геворкяном, Г.Елисеевым, О.Елисеевой, А.Синицыным, И.Станковой, вручается по результатам голосования конвента):

1–е место: В.Лещенко, А.Чернецов за роман "Серебряный осел".

2–е место: А.Громов, за роман "Феодал".

3–е место: Н.Красников за повесть "Мышегуб".

Премия "Меч Бастиона"

(вручается по решению Коллегии ЛФГ "Бастион"):

— А.Зоричу;

— Диплом за non–fiction произведения — Е.Холмогорову;

— Диплом за 2–е место в номинации — Е.Чудиновой;

— Почетный диплом — А.Иванову.

С днем рождения!

Мы, редакция "Просто фантастики", обычно не пользуемся служебным положением в личных целях. Однако в этот раз сделаем исключение. Мы хотим на страницах газеты отметить день рождения своего любимого писателя сэра Генри Лайона Олди. Любители фантастики, несомненно, знают, что под этим иностранным именем скрываются два человека — Олег Ладыженский и Дмитрий Громов. И оба они родились в марте одного и того же 1963 года: Олег — 23 марта, Дмитрий — 30.

В честь этого события мы хотим опубликовать несколько материалов о нашем любимом писателе. Некоторые из них предоставлены самим мэтром. В их числе — один из первых рассказов Г. Л. Олди, малоизвестный широкому читателю. Думается, сейчас как раз уместно вспомнить, "как все начиналось". Этот рассказ написан в конце 1990 г.

Докладная записка

старшего наблюдателя сектора МН-6-12 Главному Координатору Управления Колонизации

Довожу до вашего сведения, что планета класса С-17-28-К, населенная двуногими прямоходящими частично шерстяными гуманоидами, создавшими техническую цивилизацию уровня 3-А, на данном этапе для колонизации непригодна ввиду высокого научно-технического и военного потенциала.

1. Службой наблюдения было обнаружено специфическое порождение туземного разума, именуемое на местном диалекте "литературой художественной" (образцы прилагаются) и не имеющее аналогов в известной нам цивилизованной области Галактики.

2. Основными потребителями вышеуказанного феномена являются аборигены, представляющие наиболее развитую часть населения и имеющие максимальное влияние на научно-технический прогресс.

3. Попытки манипулирования общественным мнением с целью внушения идеи бесполезности и вредности "литературы художественной" привели лишь к локальным фактам уничтожения и запрещения отдельных образцов, а также к возникновению внутри феномена сектора "литературы массовой" удовлетворяющей физиологические запросы сжигавших и запрещавших, и не вызывающей повышения интеллекта, вредного для их душевного равновесия.

4. В связи со всем вышеизложенным предлагаю принципиально новое решение: тотальное внедрение на должности так называемых "редакторов" вносящих в конечный продукт "литературы художественной" необходимые изменения и сокращения, человекообразных андроидов, с урезанным эмоциональным блоком и отключенным фаза-генератором чувства юмора (в дальнейшем возможно использование соответствующих аборигенов, прошедших телепатическое внушение).

В результате их полезной деятельности средний уровень "литературы художественной" вынужден будет опуститься до уровня "литературы массовой", а затем и до необходимого нам уровня, существенно снижающего правополушарный творческий момент и готовящего почву для последующей колонизации.

С уважением, старший наблюдатель Сикуроджи Рухх О

* * *

Резолюция Главного Координатора Управления Колонизации:

"Документ устарел. Сдать в архив. Старшего наблюдателя Сикуроджи Рукха О. по причине профнепригодности перевести с понижением. В редактора."

Генри Лайон ОЛДИ, Харьков, Украина

"Г.Л. Олди на "Звездном Мосту-2005". Слева — Дмитрий Громов, справа — Олег Ладыженский"

Новости от Г.Л. Олди

Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский) и Андрей Валентинов завершили работу над романом "ТИРМЕН". Роман планируется к выходу в издательстве "ЭКСМО" (сер. "Триумвират") в сентябре 2006 г. Первые две части романа в виде повести "Данька-Встанька" готовятся к публикации в журнале "Реальность фантастики" (март-апрель).

До конца XX-го века оставалось меньше шести лет, когда они встретились в парковом тире. Мальчишка-школьник бежал от преследований шпаны, старик-тирщик ожидал прихода "хомячков" местного авторитета. Кто они, эти двое — торговцы расстрельными услугами, стрелки без промаха и упрека? Кто они — опоры великого царства, знающие, что не все на этом свете исчислено, взвешено и разделено?! Они — тирмены. Рыцари Великой Дамы. Но об этом не стоит говорить вслух, иначе люстра в кафе может рухнуть прямо на ваш столик.

Время действия романа охватывает период с 1922-го по 2008-й годы. Помимо большого современного города, где живут главные герои, события разворачиваются от Петрограда до Памира, от Рудных гор в Чехии до Иосафатовой долины в Израиле, от убийственной виртуальности бункера на "минус втором" до мистического леса Великой Дамы на "плюс первом".

Также Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский) завершил работу над рассказом "Турнир в Блезуа" из "Архивов Надзора Семерых" (цикл "Фэнтези"). Рассказ планируется к выходу в апрельском номере журнала "Если".

ИЗОБРЕТАТЕЛИ УПУСТИЛИ АНДРОИДА ФИЛИПА ДИКА

Робот-андроид, созданный по подобию писателя-фантаста Филипа Дика, пропал во время транспортировки в США, передает в субботу агентство France Presse.

Андроид является почти полной копией писателя, чьи произведения легли в основу фильмов "Бегущий по лезвию бритвы", "Вспомнить все", "Особое мнение". Дик умер в 1982 году, но его сочинения вдохновили ученых на создание человекоподобного робота.

Проект разработан специалистами фирмы Hanson Robotics совместно с Технологическим институтом Мемфисского университета и Исследовательским институтом автоматики и робототехники Техасского университета. В создании андроида Филипа также принимал участие друг писателя Пол Уильямс (Paul Williams).

Помимо сверхъестественного сходства с оригиналом, электронно-механическая копия располагает уникальным искусственным интеллектом, который подражает манерам писателя.

Копия Дика умеет узнавать людей по биометрическим показателям, понимать выражение лица собеседника и расшифровывать его жесты. Программное обеспечение дает андроиду возможность принимать участие в диалогах. Как отмечает агентство, в беседе робот очень напоминает дряхлого писателя, который любит цитировать собственные книги в минуты замешательства.

Робот исчез еще в начале января 2006 года, и изобретатели опасаются, что похитители могут потребовать за него выкуп или продать на одном из интернет-аукционов. Ученые не хотят раскрывать обстоятельства, сопутствовавшие пропаже андроида, так как это может помешать расследованию, добавляет AFP.

По информации Интернет-источников

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Новой интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Новой интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы опубликованы в 2006 г., сообщить свои идентификационные коды.

Редколлегия "НИГ"

Объявление

По техническим причинам в февральском номере "Просто фантастики" автором рисунка на обложке ошибочно был указан Роман Коваленко. На самом деле автор рисунка — Одисса Вевинтор, Днепропетровск. Мы приносим искренние извинения Одиссе Вевинтор, Роману Коваленко и всем нашим читателям.

Редакция

Г. Л. Олди: "Мы терпеть не можем застывшего состояния"

Как вы начали писать, как появились ОЛДИ? Что повлияло на изменение вами изначально выбранной профессии в сторону литературы?

— Ирреальный Генри Лайон Олди, эсквайр и джентльмен, родился отнюдь не на берегах туманного Альбиона, а в первой столице Украины, городе Харькове, 13-го ноября 1990-го года путем кесарева сечения настоящих имен и фамилий авторов: Г(ромов)енри Л(адыженский)йон ОЛ(ег) ДИ(ма). Именно тогда был написан первый совместный рассказ "Кино до гроба и..." — хотя личное знакомство "обеих составляющих" произошло существенно раньше.

Впервые мы, тогда еще наивные восьмиклассники очень средних школ, познакомились в 1978 г., на занятиях литературной студии, которую оба посещали. Правда, тогда особого общения меж нами не состоялось, и через некоторое время будущие соавторы потеряли друг друга из виду. "Вторично познакомились", как и положено книжным червям, в школе каратэ. Олег, на сегодняшний день обладатель черного пояса и "корочек" международной квалификации, тогда занимался всего три года и был инструктором-стажером (помощником) у сэнсея, к которому пришел заниматься Дмитрий в группу первого года. Это было в 1985 г. Вскоре выяснилось, что Олег вдобавок режиссер-руководитель театральной студии "Пеликан" — и начинающий автор Громов пришел на репетицию. Пьесу свою принес. Фантастическую. С многообещающим названием "Двое с Земли". Пьеса была раскритикована и к постановке не принята, зато в "Пеликане" на одного актера стало больше. И какого: у Дмитрия за плечами изрядный послужной список: ведущие роли в спектаклях "Обыкновенное чудо" Шварца, "Жажда над ручьем" Эдлиса, "Трудно быть богом" братьев Стругацких, "Автобус" Стратиева...

Зато грозный режиссер время от времени таскал у лицедея-приятеля его творения — почитать. Шли споры, похвалы мешались с замечаниями... Потом, с разрешения автора, пара рассказов была крепко отредактирована. Вот теперь настал черед Громова ругаться и не соглашаться. В конце-концов решили попробовать писать вместе (Олег Ладыженский к тому времени уже давно писал стихи и театральные инсценировки).

Будем банальны: солдат, который не мечтает стать генералом, не выбьется и в сержанты. Нормальный автор обычно уверен: написанное им если не гениально, то, по меньшей мере, талантливо. И тем не менее: бросить работу (театр и НИИОХИМ), отказаться от источника постоянного дохода ради писательства, — а рядом жены, дети... Конечно, в большой мере это была авантюра. Но по-другому не получалось. Помните, как Лазарю сказали: "Встань и иди"? Никто не спрашивал, хочется ли этому трупу вставать, или он уже мирно упокоился... Довольно долго наше писательство иначе, чем хобби с примесью безумия, назвать было нельзя. Мы начали писать вместе с 1990 года, а первая сольная авторская книга, выпущенная новосибирским (!) издательством "Полиграфист", вышла у нас в самом начале 1996-го. Выводы делайте сами. Другое дело, что мы искренне благодарим близких людей и в первую очередь — наших жен за поддержку в эти годы — без их помощи можно было и сломаться.

Вот так и сложилось: не Дмитрий Громов и Олег Ладыженский, а Генри Лайон Олди, ожившая литературная мистификация. Ибо, когда у нас возникла перспектива серьезной публикации, сразу же пришлось задуматься над тем, чтобы читатель хорошо запоминал авторов. Неплохо быть Кингом — коротко и звучно. А вот Войскунского и Лукодьянова — извините, пока запомнишь... Иное дело Стругацкие — хорошо запоминаются, потому что братья. Или же супруги Дяченко, отец и сын Абрамовы... А мы не братья, не супруги, не отец и сын; и даже не "человек человеку — волк". Поэтому решили взять какой-нибудь краткий псевдоним. Составили анаграмму из имен — вот и получился Олди. Правда, после этого вспух издатель: где инициалы?! — иначе не писатель выходит, а собачья кличка. Мы-то шли в одном сборнике с Каттнером и Говардом, и без инициалов — как без галстука! Мы взяли первые буквы наших фамилий — вот вам и Г. Л. Олди. Ну а когда издатель совсем задолбал, требуя выдумать нормальное "Ф. И. О.", мы на основе опорных букв наших фамилий составили имя — Генри Лайон. Ах, если б знать, во что это выльется... Олди-то запомнился, литературная мистификация пошла в полный рост, начались досужие сплетни: кто такой, откуда взялся? Если иностранец — почему цитирует Гумилева?.. Ушлый англичанин сэр Генри помалкивал, народ бурлил, а книги пописывались и почитывались. Со временем мосты сами по себе сгорели, да и издатели-читатели привыкли. Склонять начали: "Олдя, Олдей, Олдями..." Однажды, когда Дмитрий Громов брел себе в одиночестве, за спиной послышалось:

— Гляди, ребята, Олдь пошел!

А ведь пошел...

Как удачно выразился один из искренних почитателей творчества сэра Олди, приславший письмо из вечного города Иерусалима: "...видимо, пришла пора и Харькову, а то и про Назарет говорили, что ничего толкового из него выйти не может".

Не бывает абсолютно одинаковых людей, с одинаковыми взглядами, предпочтениями, поступками. Тем не менее, для написания произведения в соавторстве необходимо больше общего чем противоположного, или наоборот?

— Мы люди очень разные, с разными вкусами, причем практически во всем: в пище, в музыке, в одежде, в любимых фильмах и так далее. Хотя как раз по книгам у нас обычно вкусы сходятся. И метод мышления у нас немножко разный. Самое главное — не начать отстаивать свою единственно правильную точку зрения, а понять точку зрения соавтора и найти что-то интересное там, где они пересекаются. Чтобы получился стереоскопический эффект. Если бы мы были одинаковы и похожи, не имело бы смысла писать в соавторстве. Но жесткие споры или разногласия ни к чему продуктивному привести не могут. Тут напрашивается пример из областей боевых искусств, которыми мы оба занимаемся уже более 20 лет. Если постоянно работать жестко, то человек становится инвалидом через два года подобных занятий: у него разбиты руки, голова, сломаны кости и так далее. Чем старше становишься, тем больше ценишь мягкость. Мягкость бывает невероятно разрушительна, как ни одна из жесткостей. Цунами — "мягкая вода". Сносит все! Оползень — это мягкость, он течет и погребает под собой. Цунами и оползень с двух сторон — они перемешаются, а не уничтожат друг друга. У нас скорее это мягкое сопротивление, которое приводит к синтезу.

Первые полгода совместной работы у нас был период притирки. За это время мы научились не попадать пальцами в болевые точки друг друга, чувствовать ту фразу, эпизод, тенденцию, которые человеку действительно дороги, — в то время как некоторыми менее существенными мелочами человек может пожертвовать, согласиться: да, это, наверное, стоит переделать. Поначалу спорили очень много, но продуктивно. То есть это был как раз тот случай, когда в споре рождалась если не истина, то новый рассказ. Сейчас тоже спорим, но уже не так ожесточенно. И спокойно правим друг друга, не советуясь. Нет необходимости. Сами знаем, что можно править, а что нельзя.

Олди — не просто сумма двух составляющих. Это некое третье качество. Иначе не стоило бы огород городить.

В ваших произведениях зачастую присутствует переплетение философских взглядов с динамическим сюжетом боевика. С чем связано подобное объединение и что, по вашему мнению, все же должно нести основную нагрузку?

— Для этого переплетения мы в свое время придумали название, характеризующее нашу манеру работать: "философский боевик". Поскольку сами придумали, — критики термин позаимствовали позднее — то и смысл вкладываем также свой. Если вкратце: совмещение динамики внешнего сюжета (интрига, "приключения тела", событийный ряд, сюжетность, поведение героев) с динамикой внутреннего изменения концепции (психика героев, миroосмысление, идейно-концептуальный стержень). Или еще короче: совмещение противоположностей, которые, как известно, и без нас близки. Основную нагрузку не смещаем: оба начала, внешнее и внутреннее, должны сливаться и взаимодополняться. Иначе можем получить либо тупой зубодробильный "экшн", либо философский трактат.

А уж как это получается при реализации, судить не нам.

Мы не изобретаем ходов. Форм. Нового. Это не кокетство, это так и есть. Нам кажется: все, ЧТО мы говорим, и то, КАК мы это говорим, лежит на самой поверхности. Очевидно. Крайне интересно (как минимум, для нас). Очень болезненно (иначе незачем огород городить). Взаимосвязано с днем сегодняшним, вчерашним и позавчерашним, а также, наверное, завтрашним и послезавтрашним — хотя в последнем можем и ошибаться. Как, впрочем, и во всем остальном.

С самого начала издатели, критики и даже некоторые собратья по перу говорили нам: "Парни, вы сошли с ума! Ваши тексты заинтересуют десяток-другой высоколобых эстетов!" Рекомендовали упростить, адаптировать, изложить развесистей и популярней. В свое время мы сказали вслух, что собираемся доказать издателям: читатель вовсе не так глуп, как его хотят представить! Доказали. Оказывается, можно разговаривать всерьез, о вещах сложных, о материях странных. А не только щекотать нервы очередным квестом, состоящим из глаголов и существительных: "Файербол ударил в стену рядом с ухом.

Он отпрыгнул, покатился по земле, выдергивая меч из ножен. Трое злыдней укусили его за ягодицу. Было больно."

В своих книгах мы говорим о том, что интересно нам самим. Тем языком, какой устраивает нас. Пишем те книги, которые с удовольствием прочитали бы сами, отыщись они где-нибудь. И искренне счастливы, что находится достаточно большое число собеседников, кого трогают эти проблемы, кому понятен такой язык.

В ваших последних работах ощущаются некоторое изменение стиля, поднимаются другие аспекты... С чем связаны подобные перемены, или, возможно, правильнее было бы сказать поиски?

— На самом деле мы уже сместились, обратились, повертелись и теперь смещаемся опять в новую сторону. Но об этом позже. Видимо, дело в следующем: мы терпеть не можем застывшего состояния. Прямых бесконечных продолжений популярной книги, "машинного доения темы". Да, колея — штука хлебная и удобная, там спокойно и приятно. Но нам становится скучно.

Примерно два года назад мы вдруг почувствовали, что за Олдями прочно закрепилась определенная ниша — этаких мифотворцев, в декорациях различных мифологий ставящих костюмированные, яркие спектакли. Косяком шли письма: "Ацтеки! Чукчи! Египет! "Манас" с "Джангаром" ждут вас!" На самом деле, в "Черном Баламуте" или "Одиссее..." социального было не меньше, чем в любой из последних наших книг, они насквозь были социальны, равно как "личностны" — но через призму истории и мифологии это не всегда и не всеми замечалось. И у нас возникла острейшая потребность вырваться из сложившегося круга, ограничить "фантастичность", костюмированность текстов до минимума, на своей шкуре попробовать новые формы, новые приемы и методы. На первый план вышло осознание того, что "механизм функционирования души человеческой" — он стократ важнее луковых одежек антуража, в которые порой рядится, порой остается в штанах и рубахе, а бывает, что и торчит на площади нагишом, ежась от холода и нескромных взглядов.

Да, мы прекрасно понимали, что это снизит тиражи и отпугнет часть народа. К сожалению, есть целый ряд прекрасных собеседников — тонких, умных, чувствующих и переживающих — но им отказывает зрение, если спектакль не костюмированный. Такая вот "куриная слепота". Одень мысль в доспех или камзол, дай ей шпагу или посох — все чудесно. Но если мысль или чувство одеты, как мы с вами... Если это камерный спектакль, когда на сцене два стула и стол, актеры в будничных костюмах, и хочется говорить на полутонах, не повышая голоса и отпустив осветителя со звукооператором пить водку, если разговор "кожа к коже", без посредников: Его Величества Антуража, Их Высочеств Экшна и Драйва, Светлейшего Князя Сюжетинского и прочих высокопоставленных особ... А уж эксперименты с формой подачи материала и вовсе не поощряются любителями многотомных саг. Что ж, мы знали, на что идем. Предложение изменений — риск одноразный.

Два-три года эксперимента, когда нет возможности спрятаться за яркой одеждой, динамичными "приключениями тела" или экстравагантным антуражем. Фарс, трагифарс, музыкальная драма, пьеса-одноактовка. Вместо больших романов — средняя и малая форма. Поиск неожиданных (в первую очередь для нас самих) состояний, взаимоотношений, прорисовки героев... "Где отец твой, Адам", "Ваш выход", "Орден Святого бестселлера", "Шутиха", "Давно, усталый раб...", "Вторые руки", "Шмагия", "Пентакль"... Постоянная игра со словом, смыслом, вторыми и третьими планами, "разговор на полную катушку", — хорошо или плохо, судить не нам. Другое дело, что нам кажется: на этом поле мы очень много нашли. Не знаем, что кажется читателю — читатель разный, и взгляды у него разные. Вот, по выходу нового романа "Шутиха" один написал: "Стеб и беспроблемность!", а другой: "Серьезная, суровая и, главное, очень своевременная книга". Кому верить? — себе. Делай, что должен, и будь что будет.

Мы пишем то, что хотим, и так, как хотим. Иначе у нас не получается. Лабрюйер сказал: "Книга — зеркало. Если в нее заглянет баран, трудно надеяться, что обратно выглянет ангел". Возможно, новые Олди многих не устроили. Но иначе мы не могли — остаться в прежних, популярных и востребованных рамках для нас значило заплесневеть, уточнуть в автоштампах и почить на лаврах, покрываясь тяжкой бронзой. Это скучно. Это смерть. А мы живые люди. И, наконец, решив за два года поставленные перед собой задачи, мы опять — хотелось бы верить, что на новом витке — вернулись к "зрелищным" постановкам. Но ни в коем случае не на "круги своя" и не "дважды в одну реку". Теперь нам чертовски интересно, можно ли совместить прежний багаж и новые наработки. Опять — поиск. Планов "громадье", от эпической фэнтези до космической оперы, от балаганного гротеска до сурового реализма. Но по-прежнему для нас был, есть и останется наилучшей похвалой — письмо от неизвестного читателя, комплимент или ворчание, лишь бы оно начиналось со слов: "Как всегда, неожиданно..." И по-прежнему единственным критерием, позволяющим отдать книгу в печать — отсутствие стыда перед самими собой за сделанное. Искали, нашли — пусть другие найдут больше и лучше.

Вы неоднократно используете для произведений образы и сюжеты, имеющие непосредственную связь с мифологией. С чем это связано?

— Мы не "осваиваем мифологии", переводя их на доступный адаптированный язык. Мы пишем о людях (или нелюдях, но в итоге — все равно о людях). О том, что нам интересно. Что трогает. Мешает спать. И всякий раз, говоря о людях, мы просто ставим их в тот или иной контекст: греческая трагедия, китайская бытовая повесть, индийская эпопея... Европейская городская сказка, наконец. Мы не выворачиваем мифы наизнанку. Это крайне ложная посылка. Тогда выворачивает мифы художник, рисуя Венеру или Адониса; выворачивает скульптор, изваявший Давида или Пана; выворачивает драматург, написавший пьесу "Троянской войны не будет". Но точно так же мы не пересказываем мифы "простым и доступным языком". Есть такая хитромудрая штука: знаковость культуры. Когда частное вдруг становится общим. Мы живем в мифологии, которую наивно полагаем историей, наше мышление насквозь мифологично — отсюда, наверное, и желание провести внутренние параллели. Говоря о юноше, оторванном от молодой жены и загнанном на абсолютно бессмысленную войну — говорить об Одиссее. Говоря о предназначении, о выборе, который сделан не тобой и за тебя — говорить о Геракле. Размышляя о нечеловеческой эре Закона, о ее расцвете, существовании и страшной гибели — вспомнить битву на Поле Куру. А разве не миф все третьесортные космооперы? — вечный миф о встречах с нечеловеческими существами и героических баталиях на черных, неизведанных просторах...

После написания произведения, что чаще всего преобладает: радость от завершения начатого, или грусть, когда процесс написания закончен и приходится покидать мир, который уже не требует доработки?

В конце работы над книгой мы чувствуем радость и усталость. Примерно в равных пропорциях. Опустошения, хвала небесам, пока не чувствуем — как правило, в голове уже скачет ряд историй, которые непременно надо будет со временем рассказать.

Ваши герои, так или иначе, но пытаются изменить окружающий их мир. А надо ли это?

Меняя мир, герои меняют себя. И чаще — именно себя, нежели мир.

Героям это надо.
Другим — не надо.

Кружево

В трактире, куда набились жители деревеньки, всколыхнулся воздух:

— Рикки?!

— Золотистую?!

— Малышку Рикки?!

— Рикки?!

Староста провел заскорузлым пальцем по седым усам — и промолчал. Пусть выговорятся. Покричат, поохают, а там и к делу перейти можно. Грех, конечно, подкидыша отдавать, да колдун назвал цену.

Вот уже замолчали мужики, и только бабы, стоящие вдоль стен, еще причитали, как по покойнику. Староста снова разгладил усы. Эх, да что перед собой-то крутить, по покойнику и есть.

Протер ладонью запотевшее окошко. Через мутную слюду не разобрать, кто из ребятни у плетня засел и снежками приятелей забрасывает. Но Мишак, пока до трактира плелся, и так разглядел темный кожушок и серый пуховый платок Рикки, подкидыша золотистого. Оберег деревни.

Рикки везло с рождения. Мать, которой ребенчишко не нужен был, не бросила младенца при дороге, а принесла к деревне и положила на край свежевспаханного поля. И еще повезло Рикки, что родилась она светленькой да потом цвет не переменила, а только пуще золотом волосы отливать стали. Давно известно: чернявого подкидыша найти — к нищете, рыжего — к пожарам да засухам. Таких лучше и с межи не поднимать, авось придет ночью какой хищный зверь, отведет беду от деревни. А вот поднять по весне светлого ребеночка с только что вспаханного поля — к богатому урожаю и достатку. Сколько есть домов — всем удача будет.

Сбылось. Приняли в деревне золотоволосую малышку и бед не знали. Пять годков, как у Батюшки-солнышка на именинах жили. Ни засухи, ни зимы лютой, ни купцов сильно прижимистых не видели.

Росла девочка улыбчивой, к взрослым уважительной, к ребятне не задиристой. А смех — точно колокольчики серебряные у паломников, что на святой Восток к Солнцу идут. Смышленая, к работе, по годам положенной, ухватистая, такую и без приданого замуж возьмут, как подрастет. И что красавицей вырастет — уже сейчас видать. А пока мала, так пусть другим невестам под ноги зерно к счастью бросает.

Но в этот год, как отыграли по осени последние свадьбы, так беды и посыпались, навроде зерна из прохудившегося мешка. Морозы ударили раненько, не успела земля снегом укрыться. Звенела, стылая, вымерзала. Волки повадились близ деревни ходить, да лихие людишки на дороге появились. Боязно зерно на продажу везти, а сами купцы носа не кажут. А тут заполыхали поставленные на зиму стога, пожар чуть на лес не перекинулся. Мялся староста: то на дела, то на больные колени ссылался... Все одно пришлось идти к колдуну на поклон. Хорошо хоть, тот по лесу его не кружил, прокинул ближний путь в чащобу, где изба хоронится. Выслушал Мишака, поводил седыми бровями и заломил цену: деревня подкидыша ему отдает, а он своей силой колдовской от бед обороняет.

Мишак оторвался от окошка, так и не разглядев среди детворы Рикки. Повернулся к односельчанам и сразу наткнулся взглядом на Хангу.

Бобылка стояла, прислонившись плечом к косяку, словно и не замечала, как тянет из-за двери морозцем. Даже кожух не застегнула, выпростала фартук и мнет в руках. Староста виновато моргнул. Ханге-то тяжелее всех колдуну платить.

Пришла женщина в деревню лет десять назад, поклонилась по обычаю общему сбору и попросила кров. Выделили ей на окраине избушку с односкатной крышей, помогли миром хозяйством обзавестись, да и потом одинокую старуху не оставили. Зато Ханга всех малых ребятишек подле себя держала, пока их матери трудились. Детишки накормлены, присмотрены, а девочки и рукоделию учились. У Ханги-то и жила Рикки-подкидыш.

Мишак поерзал, покряхтел в кулак. Жалко девчонку, и старуху жалко. А только что не сделаешь для деревни, коли главой ее поставлен.

Рыжий выходной треух старосты задел низко склонившуюся ветку сосны. Мужик вздрогнул, словно на него горстка снега соскользнула, а тяжелый сук рухнул. Даже присел, дернув за руку девчонку. Боится... Вот только чего: штучек колдовских или что ребенка на убой привел?

Савва прильнул к окну. Староста потоптался, оглянулся на цепочку следов, уходящих за сосны. Нерешительно вышел на полянку, потянул за собой девочку. Малышка вертела головой, дивилась на чудной дом, но с вопросами не приставала. Умна. Савва потер взмокшие ладони о штаны. Надо было еще раз веревку через дорогу перетащить, а то вдруг не сдюжит.

Староста остановился в нескольких шагах от крыльца. Снова потоптался, уминая снег новыми расшитыми катанками. Кашлянул в кулак, расправил усы и позвал:

— Господин колдун! Вы дома будете? Господин колдун, вот, как договорились.

Выпустил ребячью ладошку, подтолкнул девочку к двери, а сам деру. Только снег взметнулся. Пусть идет, Савва ему даже путь покороче наведет.

Колдун накинул полушубок, запахнул поплотнее на груди. Ну, пора.

Глаза у девчонки серые, синей каймой обведенные. Смотрит на колдуна, не сморгнет. То ли мала еще, то ли чует. Савва рисковать не стал, двух шагов не доходя набросил малышке на голову заговоренное полотно. Края его еще не коснулись, а колдун уже веревкой поверху спешит-обматывает, откуда только сила в руках взялась. Головенку потом придется открыть, иначе обряд свершить невозможно будет. Но попозже, пусть силы девочку покинут и немота возьмет. А там уж...

Савва взвалил на плечо связанного ребенка, потащил в дом. Должно все сладиться, вон сколько готовился. Как нашел первого загнанного волка, так все присматривался к деревеньке — кто это хищников в ездовых собак обратил? А уж как птицы с оторванными головами попадаться стали, так и вовсе каждый двор обнюхал. Нашел, и потом облился, аж рубаха к спине прилипла. Ай, Савва, успел! Еще бы пару годков — выросла бы из подкидыша знатная колдовница, да не простая — черная. Даром что волос светлый, а только погубила бы деревню. А прежде колдуна бы со свету сжила, чтоб под ногами не путался.

Страшно. Страшно дитя убить, несмышленыш еще, не ведает, что творит. Да что не сделаешь ради спокойной старости...

Староста с девочкой давно скрылись в лесу. А Ханга, присевшая у плетня, все смотрела, пока не заболели глаза от полыхавшего на солнце снега. Женщина разогнула спину, прихватилась рукой за поясницу. И ведь не от кого было прятаться, а сидела, пригибалась.

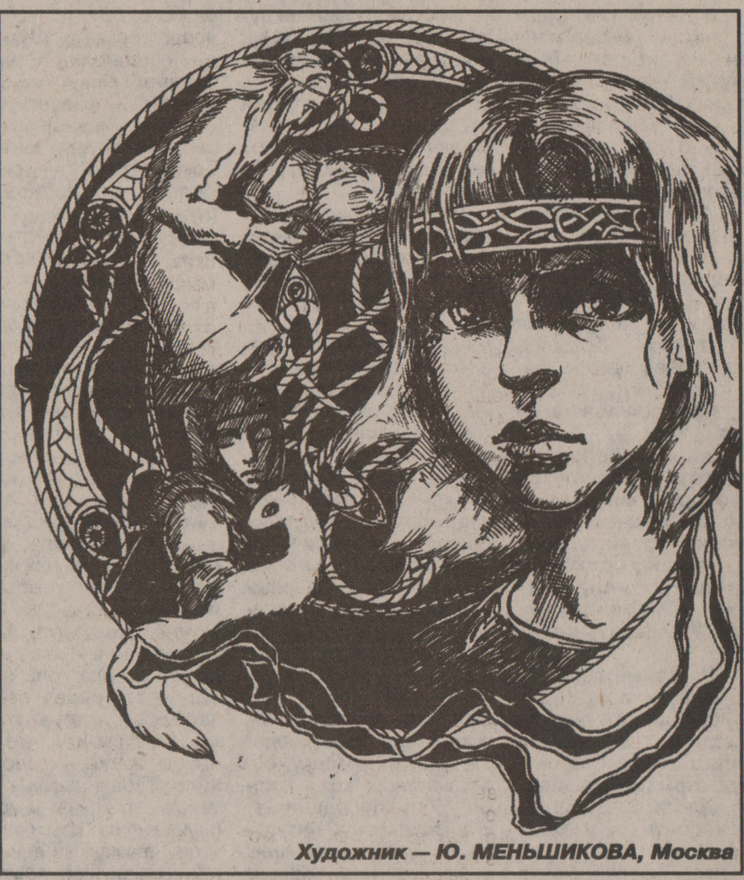
В тесных сенцах споткнулась, не разглядев со свету слезящимися глазами брошенное Рикки коромысло. Маленькое, специально для девочки тесанное. Враз намокшие щеки уже не оправдать ярким солнцем — Ханга плакала по Рикки, золотому ее подкидышу.

Женщина села на ледяной пол, уткнулась в рукав старой шубейки. Вой рвался из груди, и пришлось прикусить овчину. Жалко, ой жалко малышку! До сих пор помнится, как сердце зашлось, когда этакую кроху с поля принесли да ей отдали. Рости, мол, Ханга, подкидыша-оберег, будь ей заместо бабки.

Да что делать — в одной деревне двух подкидышей не бывает, пусть и светлых. Даже если примут вторую, не уживутся они, да и деревню перессорят. Примета верная.

А все Рутка, дочь непутевая. Сначала из родной деревни уходить не пожелала, а потом и вовсе с матерью рассорилась, отделилась. Разве ж это дело для молодой женщины — по трактирам жить и сказками зарабатывать! Вот и дожилась! Нет, чтоб сразу к матери прийти, неужто старая колдовница бы не приняла да грех не вытравила? Так нет, дотянула, пока живот на нос не полез. Плод уже в силу вошел, опасно травить. Да и дите уже проглядеть можно: девонька у нее будет с волосами цвета пшеницы. Внученька родится. Родненькая, кровиночка.

Ох, ввела Рутка в грех перед Матерью-землицей. Ханга давно в вере живет, непотребного не вершит. Сколько пришлось скитаться, пока не нашла деревеньку, куда слава о Ханге-колдунице не добралась. Так и жила себе тихо, разве что колдуну глаза отвела. Старик Савва своей веры держится, своими делами за-

Художник — Ю. МЕНЬШИКОВА, Москва

нимается. Незачем ему силу Хангину чуять.

Так бы и тянулись годочки, кабы не дочь беспутная. Вот и пришлось на деревню напасти слать, волков загонять да колдуна морочить. Не смогла Ханга сама Рикки заморить, рука не поднялась, заговор на губы не шел. А колдун малышку порешит, не потерпит такого соседства.

Место подкидыша должно быть к весне, к пахоте, свободно. Тогда придет Рутка и положит на поле внученьку. А после ее Ханге отдадут. Не пригулянным дитем будет, которого любой обидеть может, а оберегом всей деревни.

Жалко, ох жалко малышку Рикки, да что не сделаешь ради дочери и дитя еще не родившегося.

Рутка пошевелила пальцами в огромных рукавицах. Не отморозить бы. Утром еще с постоялого двора вышла, день уже к вечеру сходит, а мороз крепчает. Да где же избушка, вроде точно, как маменька говорила, шла, а все не видать. Неужто заблудилась? Так и замерзнуть недолго. Ведь еще и дверь от снега откапывать да печь растапливать. А с таким животом и нагнуться-то в тягость...

Избушка оказалась крохотной, зато пазы между бревнами мхом заделаны, дрова в углу наколотые лежат и печка хороша. Рутка даже платок развязала — так тепло по комнате поплыло. Тяжело села, привалилась к облупившемуся печному боку. Вот и передохнуть можно.

Рука привычно легла на живот. Как там девочка? Зима и за половину не перевалит, а уже родиться должна. К весне окрепнет, и понесет ее Рутка на межу. К бабке-колдовнице под бок. Та уж внучку выучит. Придется учить, чтобы не начала малышка от недоумия колдовство случайное творить да людей пугать. Дар у девчонки будет, обязательно будет! Это Рутка пустая родилась, как то природой для женщин и писано — через поколение сила идет. Какая ж обида на судьбу ее грызла! Поманила, показала, как маменька чудеса творит, а самой силы не дала. Как на птиц смотреть и с амбара прыгать — все одно об землю ударишься, а они над головой пролетят. Ну, ничего, зато у доченьки все будет. И сила, и власть. Недаром Рутка так долго колдуна подходящего искала да обхаживала. Противен колдун оказался, особливо брюхо его холодное. Как навалится, аж мороз по коже, словно под жаба легла. Зато силы той колдун необычайной, а мужчины дар во всякое поколение передают. Будет доченька колдовницей, будет.

Рутка погладила живот, улыбнулась потрескавшимися от мороза губами. Поживет доченька у бабки-колдовницы, в силу войдет, а там Рутка за ней вернется. Главное, чтобы маменька ее в веру свою не окрутила. Ишь чего удумала — колдовство, мол, есть грех великий. Дура, дала ей Мать-солнце силу, а она и не пользуется. Сколько Рутке пришлось плести да сказки сказывать, пока мыслишку простую матери в голову не вложила — надо от подкидыша деревенского избавиться. Рутка сама бы девчонку порешила, да грех великий убивать, когда дитя носишь. Вот и нашептывала матери, ужасы про будущую сиротскую жизнь своей доченьки сочиняла. Оно, конечно, тоже грех, на смертоубийство-то склонять, да что не сделаешь ради будущего счастья.

В комнате за дверью напивался колдун. Ругался, наговор на житное вино для крепости делал и заливал память. Чтоб не стояло перед глазами, как вздрогнули светлые реснички, когда вошел нож под третье ребро. Выступила кровь на беленом полотне и свернулась сразу.

Савва даже тело со стола жертвенного снять не смог. Попятился, нож на отлете держа. В дверь всем телом толкнулся, выпал в горницу. Даже на ноги не вскочил, а извернулся, как зверь, и дверь за собой захлопнул.

Пил колдун и не видел, как опадали веревки, что прижимали к детскому телу полотно. Узлы остались целы, да уж нечего было стягивать. Серебристый пушистый зверек, в которого перекинулся мертвый ребенок, был чуть крупнее мышки.

Колыхнулись тонкие усики, дернулся лохматый хвостик. Зверек скользнул по ножке стола, промчался вдоль стены. В углу припал к расщепленной половице, быстро заработал острыми зубками и сильными лапками — и выход готов.

Выскользнул на снег, жадно втянул черным влажным носиком морозный воздух. Пора домой. Ох и узор будет, подруги от зависти коклюшки сгрызут!

Только бы не разгадали ее уловку, а то все выпытывают — откуда Риколента рисунки для кружев берет. Глупые! Не понимают, что так, как закручены помыслы людские, ни одна мастерица не нарисует. Вот и приходится тайком в этот мир бегать да подглядывать, чтоб потом все сплетения судеб в кружево переложить.

Кружева мастериц Р-арт-орн славятся в десяти мирах, а работы Риколенты — лучшие среди лучших, за сложность узора ценимые. Страшно быстрой зверькой между мирами скользить, да что не сделаешь, чтобы быть первой кружевницей.

Инна ЖИВЕТЬЕВА,
Новосибирск, Россия

Знакомство с легендой

Мы продолжаем рассказывать своим читателям о малоизвестных персонажах мифов и легенд. Сегодня — легенда из донецких шахт.

Когда-то давным-давно, когда появлялись первые шахты и рубились первые штреки и лавы, на одной шахте работал молодой рабочий по фамилии Шубин. Работа, какой тяжелой она ни была, все же нравилась парню. Но однажды случилось несчастье. В забое, где работал Шубин и еще несколько рудокопов, случился обвал, заваливший всех, кроме Шубина. Владелец шахты во всем случившемся обвинил чудом выжившего парня. Не вынеся оскорблений и убегая от гневных несправедливых криков родни погибших, он скрылся в забое. И — тут легенду трактует каждый по-своему — то ли повесился, то ли взорвал шахту вместе с собой.

С тех пор у подземных выработок Донбасса появился свой Хозяин. Он обходит свои владения, он

Художник — Оксана РОМАНОВА, Санкт-Петербург, Россия

всегда здесь. Подобно Хозяйке Медной Горы на Урале, он отвечает за все подземные сокровища Донбасса. Горе тому, кто увидит Шубина. Не любит он пришельцев. Те немногие, кто остается в живых после встречи с ним, навсегда уходят с шахты. Увидеть его — значит, получить предупреждение о том, что тебя здесь ждет смерть. Но Хозяин очень редко гневается на людей. Почти всегда он спасает попавших в беду шахтеров, выводит их на поверхность или приводит к ним помощь. Потому и зовут его Добрый Шубин.

Предпосылки легенды.

Большинство угольных шахт — опасные. В породе содержится под большим давлением взрывоопасный газ — метан. Почти в каждой шахте есть опасность его обнаружения. Раньше боролись с ним следующим способом: при обнаружении метана в шахте, в забой спускался один из рудокопов. Часто это был простой доброволец, но иногда — специально обученный человек. Этого рудокопа наряжали в самую толстую шубу или тулуп, который находился в артели, давали спички и факел. Этот почти стопроцентный смертник шел настолько вглубь, насколько давал ему газ. Затем он поджигал факел. Следовал взрыв, забой очищался на время или навсегда от газа. Почти всегда добровольцы погибали, но своим поступком давали шанс другим артельщикам продолжать работу. Владелец шахты и артельщики собирали семье погибшего компенсацию.

Зачем шуба? Она давала мизерный, но все же шанс выжить. Таких добровольцев и называли "шубиными".

Информация любезно предоставлена нашим постоянным автором Михаилом РАШЕВСКИМ (Киев, Украина)

СЛОВАРИК НАЧИНАЮЩЕГО АВТОРА

В этом выпуске "Словарика начинающего автора" мы поговорим об экспозиции и завязке. Те, кто читал предыдущий выпуск "Словарика..." помнят, что экспозиция и завязка являются составными частями сюжета.

Экспозиция (от лат. expositio — изложение, показ) — часть литературного произведения, в которой характеризуется обстановка, излагаются обстоятельства, предшествующие началу действия. Иными словами, это вступительная часть литературного произведения. Обычно в экспозиции изображаются события, начинающие развертывание сюжетного повествования и дается расстановка и взаимоотношения персонажей пьесы, романа, повести, рассказа, поэмы.

Завязка — это эпизод, с которого начинается развитие сюжета в литературном произведении. Завязка часто знаменует возникновение конфликта между действующими лицами.

Завязка может совпадать с экспозицией, и тогда развертывание сюжета идет сразу, или возникать после экспозиции. С завязки начинается подъем сюжетной линии.

Очень грубым примером будет следующий: в сказке о Золушке экспозицией является рассказ о том, как у отца Золушки умерла жена, и он женился второй раз на злой женщине с двумя дочерьми. То, что мачеха невзлюбила падчерицу; перечисление свалившихся на Золушку забот — все это экспозиция. Завязка здесь — приглашение на бал. В сказке же о Коте в сапогах завязка совпадает с экспозицией: умер мельник, оставил сыновьям наследство, младший получил кота — и понеслось...

Чингіз–Ханум

Коли вона входила до шатра, невисока, кривонога, із обличчям, що було вкрито шрамами і степовим порохом, він підіймався із вишиваних подушок їй назустріч і усміхнено вклонявся. Він підносив їй глека з водою — омити руки й обличчя, та піалу кумису — вгамувати спрагу. А потім вгамовував її спрагу в коханні — покірно й пристрасно, здіймаючись поміж стегна її, як норовистий кінь, що визнав над собою волю вершниці. Він був її улюбленим чоловіком, та радше вже єдиним. Решту вона роздарувала достойницям зі свого почту і наближеним, через що ті були ой як втішені — Чингіз–ханум була вимогливою у всьому. Колишні ж її чоловіки, ображені таким перебігом подій, перешіптувалися поміж себе — чим же примудрився цей іноземець взяти вибагливу провідницю непереможних кочовниць.

Дещо могла б розповісти тільки стара Ойюн Біліг, мамка, вихователька й наставниця у ратному мистецтві дочок Чингіз–ханум, старшої — спадкоємиці престолу Кубілай і молодшої Уйунчімг, котра невдовзі мала вирушити до далекої Росі, жити там гостею–заручницею при дворі цариці росів Хельги. Однак стара Ойюн Біліг відмовчувалась, ховаючи усмішку в зморшках.

Щоправда, ні для кого не було таємницею, що саме посланниці цариці Хельги привезли до Кара–Коруму статного роського красеня із довгим пасмом пшенично–світлого волосся на голеній породистій голові. Його і звали, як належить коштовному подарункові — Любомир. Тоді обидві сторони залишились задоволені — і Чингіз–ханум, і Святослава із Володимирою, котрі повезли додому її згоду взяти до свого почту в обмін на Уйунчімг одну із дочок Хельги — хоч яку юну роками, але ж розумну й розсудливу Ярославу.

Незадоволені були лиш чоловіки Ханум, особливо старий — і колишній улюблений, а отже, й старший над рештою Тимур. Та хто ж її питатиме, чим вони задоволені, а чим ні. Їхня справа — прикрашати життя жінок, робити начиння для дому і збруя для коней, стригти вівці, дбати про коней, готувати кумис та жирний плов, ну й доглядати дітей. Жіноча ж справа — продовжувати рід і примножувати багатства його — чи скотарством, чи війною, а чи й торгівлею. Чингіз–ханум, хоч і була войовниця не з останніх, перед всіма іншими шляхами перевагу віддавала саме купецтву. Чимало бариші приносила й охорона караванів, що йшли через землі роду її, і родів її васалів, і васалів її васалів.

Торгівлею і купецтвом приростала держава, що на чолі її міцно стояла на коротких ногах низькоросла мати монголок, Чингіз–ханум...

Діти були її насолодою й відрадою. З дочок вона тішилася, та й пишалася ними — з ятаганом та з рукописом були вони однаково вправні, як і належить наступницям великого роду. І на коні, і з посланницями, і з купчихами, що очолювали купецькі гільдії, були вони рівною мірою стримані й спокійні, і вибити її зі сідла не міг жодний фінт ані перших, ані других, ані третіх. Викапана я — була казала Ханум... А от сини її, хоч і були гарні як тілом, так і личком, особливого розуму не виявляли, окрім старшого — Тимура, Тимурового сина. Він мав хист до мов, та й у складанні газелей на рівних міг змагатися із сестрами. Однак чи не найбільше вабили його математика й астрономія — а це ті царини, до яких чоловіків взагалі вважали нездібними. Ханум не забороняла йому займатися — їй завжди видавалось, що її кмітливий і поштивий син вартий долі ліпшої, аніж все життя догоджати одній з її радниць, Церен, за котру його просватали ще в рік першого сімені, та маніжити її дітей від старших чоловіків...

Але головною радістю була для неї вже не влада і не відчуття, що змушувало її тріпотіти від жаги в перші роки її правління — відчуття, що за її волею і за її задумом йде хід племен і планет. Головна її радість чекала її у шатрі, вдягнена у шовкові шальвари, що не приховувати від її зголоднілого погляду довгі стрункі стегна й тендітні гомілки. Ханум сама підбирала одяг для Любомира: візерунчастий жилет лише підкреслював ширину плечей і виразність м'язів його безволосого торса, а повністю відкриті руки, хоч які сильні, були білі й вишукані. Посмішка на обличчі його була подібна на світанок понад степом, а ніжність не знала меж, як пустеля. В його руках Ханум танула і втрачала голову, забуваючи про час. Для нього, не рахуючи грошей, купувала прикраси й курива, химерних заморських тварин і сувох з оповіданнями про подорожі купчих до далеких країн. Щоб мати його завжди поруч із собою, вона б залюбки брала його із собою у походи, однак переймалася, чи витримає він важкі умови, та й жорстоке це діло — війна. Вона не хотіла наражати його на ризик — хай би там що.

То було кохання, котре, полонивши зрілу жінку, перетворюю її на слухняну ляльку в ласкавих руках її юного коханого, однак Ханум примудрялася не випускати влади з рук, навіть коли з головою поринала у вихор пристрасті нещадної й безжальної, як самум. Але із цим чоловіком, що повернув її очам сяяння, вона губилася, як недосвідчена дівчинка. Ханум не знала, що й вчинити, лише б тільки потішити його. Занадто часто нападала на нього незрозуміла туга, і тоді він ховав обличчя в її долонях, скрутившись, наче пес, біля її колін. А вона дивилася на його голену потилицю і хотіла вголос скиглити від ніжності, а ніжність переповнювала її по самісіньку горлянку, не випускаючи назовні жодного звуку. Щоб розвіяти його смуток, вона уводила його на тривалі кінні прогулянки, показувала обсерваторію, знайомила із кращими поетками, давіть сама робила спроби складати газелі про його руки й очі, але ніяковіла через недолугість власних слів і викидала на сміття навіть найвдаліші рядки. Заради нього до читальні звозилося все, що було написано за останні сто років в усіх країнах, з якими тільки монголи вели торгівлю. Йому — першому й єдиному з її чоловіків — було дозволено займатися зі зброєю нарівні із дівчатами, що вчилися бранної справи. Він, навіть, отримав у подарунок вузький кинджал із синього заліза, із рук'в'ям, прикрашеним слоновою кісткою. Для нього з Аравіх привезли двох скакунів щонайкращих порід — білого, як сніг Мягмара й чорного, як ніч Мунке. Підносячи черговий подарунок, Ханум завмирала, як дитина, що чекає від матері похвали, і кожного разу повторювалося те й саме: він вдячно всміхався, терся носом об її щоку і приймав подарунок, щоб за день чи два байдуже залишити.

Коли Ханум зрозуміла, що вагітна, її радість була безмежна: ось він, той найкращий подарунок, найліпший доказ її кохання! Їхня дитина, їхня дочка — вони наречуть її Темучін, як колись нарекли її саму — вона стане великою царицею, царицею цариць! Коли вона розповіла про майбутню дитину Любомирові, той спочатку замислився, а потому став навколішки перед нею й благоговійно поклав руки на її живіт, приникнувши до нього обличчям. Після цього вона передала справи своїм радницям і просто перебралася до його шатра, щоб майже не виходити звідтам, крім як на кінні прогулянки удвох із ним — на Мягмарові і Мунке.

Коли Кубілай дізналася, що мати збирається зробити спадкоємицею дочку від чужинця, спочатку трішки посердилася, а потім заявила, мовляв, раз таке діло, то вона присвятить себе налагодженням торгівлі із далекою Россією і тими незнаними країнами, що лежать за нею на захід сонця. Уйунчімг за сестру не образилася, а навіть потішилася, що так далеко від рідної домівки вони будуть разом — хоча б і ненадовго.

Тільки старий Тимур, дочка котрого так негадано із спадкоємиці перетворилася на посланницю, зачаїв злобу. Коли до строку залишалося зовсім мало, він вкрав із Любомирового шатра кинджал і тієї ж ночі потай прокрався до шатра, де відпочивала перед важкою працею народження Ханум. В щілину між полотнищами він побачив, як, розкинувшись на подушках, із круглим і натягнутим, неначе барабан, черевом, при світлі вогнища вона переглядала звіти зі сходу. Її молодого чоловіка видно не було. Зараз чи ніколи! — й колишній дружина метнувся всередину, щоб одним ударом відновити попрану справедливість, повернути своїй дочці заслужену владу, а собі спокійну старість. Полотнища розійшлися під його вагою, і Тимур ввалився всередину. Чингіз–Ханум озирнулася на шум, однак ані скочити на рівні, ані схопити в руки бодай щось, чим вона могла б захистись, часу вже не мала. Любомир, що лежав попід полами її халату й грів їй ноги, встиг лише скинуться назустріч холодному лезу. Із огидним скреготом кинджал увійшов в його груди межи ребра правіше від грудини. Останнім змахом, ніби прощаючись, він здійняв руки, і шия ревнивця хруснула. В смертних обіймах одне в одного вони впали у вогнище, обидва вже бездиханні. Чингіз–Ханум відкинула убік труп Тимура і, не пам'ятаючи себе, обпікаючи руки, потягла на себе тіло свого коханого. Поки навколо метушилася прислуга, а охоронниці намагалися з'ясувати, яким таким чином Тимур примудрився проскочити повз них непоміченим, вона пестила його обличчя, торкалась губами заплющених очей, перебирала волосся довгого пшеничного чуба, дихала на холодіючі руки...

Дочка Чингіз–Ханум і Любомира, успадкувавши від батька тонку північну красу і блакитні очі, а від матері — смоляне волосся і вдачу, що крутіша за гори, здобула найкращу як на ті часи освіту. Вона зійшла на престол в 17 років. Саме тоді незламна і непереборна Чингіз–Ханум завершила будівництво храму в пам'ять про коханого, що врятував її коштом власного життя, і залишила світ, перебравшись до гірської буддійської обителі. Храм відтоді мали, та й досі мають за одне з див світу. Ім'я йому — Тадж–Мир.

Урсула ПІГУЛЕВСЬКА,
Київ, Україна

№3 2006 год

К вопросу об альтернативах, продолжениях и плагиате

Ознакомившись с мнением уважаемой Т. Апраксиной (Статья "Фанфик, плагиат, случайность?", "ПФ", № 11, 2005) счел нужным — не опровергая, но и не соглашаясь до конца с высказанными ею мыслями — привести ряд примеров, хорошо иллюстрирующих поднятые вопросы. Заранее прошу прощения за то, что не все они имеют отношение к фантастике — но уж больно хорошо освещают создавшееся положение...

Начну с произведения — безусловного лидера по числу альтернатив, продолжений, подражаний, пародий и т.п. Только в СССР оно было экранизировано четырежды — абсолютный рекорд!; западных экранизаций — американских, французских, английских, австралийских — мне известно пять, думаю — их на порядок больше. Литературных же произведений на "заданную тему" — несть числа. Речь идет об "Острове сокровищ" (1883 г.).

Помните, как там все начинается? Скоропостижно умирает некий моряк, передав свой сундучок совершенно постороннему лицу. А в сундуке — карта Острова... Дальнейшее известно всем. А сейчас открою Америку — и в прямом, и в переносном смысле: это — завязка романа Д. Ф. Купера (того самого) — "Морские львы", написанного за сорок лет до появления "Острова сокровищ"... Ну, у кого язык повернется назвать Стивенсона плагиатором? Тем более, что дальше сюжеты абсолютно различны.

Тема на этом не закончена. Берем с полки роман Ч. Шеффилда "Сверхскорость" (1993 г.) и внимательно читаем. И что же? Несмотря на перенос действия в другую планетную систему и на несколько тысячелетий вперед; значительное увеличение объема книги, изменение пола и возраста одного из действующих лиц; изрядное влияние хайнлайновских мотивов — мы держим в руках все тот же "Остров сокровищ". А от Шеффилда, по большому счету, остается лишь неистребимая атмосфера Ирландии. "Дешевая подделка" — смело решит кое-кто — и крупно ошибется: мы имеем дело с несомненно талантливым произведением...

Вообще, альтернатив и продолжений в мире литературы — и в фантастике — значительно больше, чем может показаться. Вспомним Толкина: на "продолжениях" и "вариациях на тему" его составил себе имя не один десяток писателей. Достаточно вспомнить Н. Перумова или К. Еськова. Кстати о последнем: Т. Апраксина выводит три признака, отличающие альтернативную литературу от, скажем так, "не литературы" — при наличии всех трех, что она подчеркивает: 1. Художественная ценность; 2. Новизна; 3. Самостоятельность. "Последний кольценосец" К. Еськова, несомненно соответствующий двум первым признакам, абсолютно не проходит по третьему. Та же картина и с сочинениями "Учеников братьев Стругацких". Упомяну "Временную суету" С. Лукьяненко, "Змеиное молоко" М. Успенского, "Возлюби дальнего" М. Савеличева — все указанные произведения, вне всякого сомнения, талантливые, без знакомства с "первоисточником" просто не имеют смысла. (Проще с многочисленными последователями "бабушки" Э. Нортон: там самостоятельность в наличии — хотя и не всегда присутствует талант...)

В заключение своих заметок порекомендую интересующимся поднятым вопросом перечитать три книги и сравнить их:

1. История Краснознаменной М-172 И.Фисановича (1944г., издана: М., Воениздат, 1956; Харьков, "Прапор", 1990 — в сборнике "Не вернулся из боя")

2. Его Величество "Улисс" (она же — "Крейсер "Улисс"; Полярный конвой) Алистера Маклина (1956г.)

3. Реквием каравану PQ-17 В. Пикуля (1978г.)

После прочтения желающие могут обвинить Валентина Саввича в плагиате — если совесть позволит... да что там Пикуль — даже Гоголя обвиняли в краже сюжета. За "Ревизора".

Вывод прост. Если мы имеем дело с талантом — то ни о плагиате, ни о вторичности говорить нельзя — даже если все признаки таковых имеются. Ибо талант, даже целым кускам текста, переписанным у других, способен придать новое, особое звучание.

В. ТОКАРЕВ, г. Керчь

Отзывы читателей

В этом номере мы публикуем отзывы читателей на статью Т. Апраксиной "Фанфик, плагиат, случайность?", опубликованную в ноябрьском номере "Просто фантастики".

Кстати, тут надо различать. Сериалы о Конане и Скарлетт принципиально различны: Говард написал ряд произведений, к которым можно добавить (и добавили!) еще столько же и больше, пока кто-нибудь не сдохнет — эмир, ишак или читатель. Тут — свобода для фанфиков полная. Митчелл же написала сюжетно законченную вещь, продолжать которую — не то что нелепица, а, скорее, безвкусица. Аналогично — с Толкиным: пиши что хочешь о второй-третьей-четвертой эпохах, но Феанора и Фродо не трожь, о них уже все сказано.

М. Назаренко

Присоединяюсь к Михаилу Назаренко. Помнится, лет пятнадцать назад видел даже "продолжение" "Войны и мира". Б-р-р-р...

И хочу добавить историю о Маяковском. Однажды на каком-то выступлении его спросили, чего бы он пожелал поэтам, которые пишут "под Маяковского"? На что Маяковский ответил просто: "Не делайте под меня. Делайте под себя".

С. Пальцун

Замечание: когда слово в слово передраны три абзаца, оно может и не быть плагиатом, при условии, что автор сознает, что и почему тут передрано, и дает возможность понять это читателю — т.е. не приписывает себе авторства этих абзацев. Это называется "цитата", причем последний прием в литературе, в отличие от научных работ, не требует обязательной простановки ссылки в явном виде, более того, он не обязательно оформляется в кавычках или иными смысловыделяющими символами.

П. Верещагин

Этот месяц в истории фантастики

5 марта справляет день рождения Евгений Лукин, а 29 марта — Юлий Буркин. Мы от всего сердца поздравляем их с праздником и желаем им всяческих успехов, в первую очередь, конечно же, творческих, ведь нам хочется, чтобы они и дальше радовали нас своими книгами.

10 марта скончался Михаил Афанасьевич Булгаков. Булгаков не был писателем-фантастом, однако не отнести к фантастике его "Собачье сердце", "Мастера и Маргариту", "Роковые яйца" невозможно.

24 марта умер Жюль Верн, человек, с произведений которого начиналось увлечение фантастикой многих тысяч людей.

19 марта — день смерти Эдгара Райса Берроуза, автора сериалов о Джоне Картере на Марсе и Карсоне Нэпьера на Венере.

12 марта родился Гарри Гаррисон. К этому писателю мы не раз еще вернемся в наших публикациях, поскольку в апреле ожидается его визит в Киев и участие в "Евроконе-2006". Все желающие получить автограф легенды мировой фантастики, спешите в Киев!

7 марта поздравляем с днем рождения одного из организаторов киевской фантастической ассамблеи "Портал" и "Еврокона-2006", вице-президента Европейского общества научной фантастики (ESFS), редактора отдела иностранной литературы журнала "Реальность Фантастики" (ИД "Мой Компьютер") Бориса Сидюка. Удачи, здоровья, счастья! До скорой встречи на "Евроконе"!

И, конечно же, как мы уже упоминали, в марте родились Дмитрий Громов и Олег Ладыженский, известные читателям как Генри Лайон Олди.

КОНКУРС ФАНТАСТИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ

Многие ли в наше время помнят, что такое псогос? А византийский энкомий? А чем индийская сутра отличается от буддистской?

Немногие. Но все любят читать необычные рассказы, отличающиеся от серой массы, заполонившей нашу прессу.

Конкурс "Феникс" — это конкурс фантастических рассказов, стилизованные под древние жанры. Он подразумевает свободную тему произведения, которое автор должен выполнить в форме одного из жанров древней литературы по собственному выбору (единственное исключение — не принимаются сказки).

При этом к рассказу автор также должен написать короткую справку о выбранном им жанре.

Конкурс проходит на Интернет-страничке

http://zhurnal.lib.ru/k/konkurs_feniks/. Там же находятся предварительные правила. Внимание: хотя "Просто фантастика" и является информационным спонсором конкурса, работы на конкурсе размещает не редакция "ПФ", поэтому на электронный адрес газеты рассказы присылать НЕ НАДО.

Конкурс проходит в два этапа. Вначале преноминаторы рассматривают присланные заявки и принимают, либо отвергают рассказ. Работы, прошедшие предварительный отбор (преноминацию) проходят в "первую лигу", где их оценивает жюри, состоящее из представителей шести редакций специализированных фантастических изданий (включая "ПФ"), трех известных критиков и шести писателей (подробности — в правилах конкурса). Работы, не прошедшие преноминацию, заносятся во "вторую лигу" и оцениваются самими участниками конкурса.

От одного автора принимается не более двух рассказов.

Конкурс стартует 1 апреля. Еще есть время сходить в библиотеку или набрать в Интернет-поисковике заветные слова "Жанры древней литературы"!

Победители будут опубликованы в том числе и в "Просто фантастике".

Колдовские миры Дианы Уинн Джонс

Диана Уинн Джонс, чьи книги из серии "Миры Крестоманси" как-то незаметно, в общем ряду и без всякой рекламы начали выпускать в издательстве "Азбука", на самом деле является признанным во всем мире писателем, что называется, "первого эшелона". Ее романы переведены едва ли не на все языки, их издают и переиздают огромными тиражами, ее награждали всеми престижными литературными премиями, и в том числе дважды (что является поистине уникальным) премией Мифопоэтического общества.

Диана Уинн Джонс родилась 16 августа 1934 года. "Когда мне было пять, мир сошел с ума", — детство и школьные годы Дианы пришлись на Вторую Мировую. К тому же она росла в очень несчастливых обстоятельствах. Александра Егорушкина в статье "Обыкновенное чудо Дианы Уинн Джонс" приводила даже такие факты, основываясь на данных ее автобиографии: "Вообще же детство у Дианы Джонс и до, и после войны было такое, что куда там диккенсоновскому Давиду Копперфильду и прочим бедным сироткам классической английской литературы. Родители, увлекшись светской жизнью, отселили трех дочек в холодный флигель с бетонным полом и не интересовались детьми до такой степени, что одной из девочек полгода (!!!) не расчесывали волосы, а любая болезнь считалась притворством, и дети ходили в школу с ветрянкой, скарлатиной и даже аппендицитом. Сама Диана пишет в автобиографии, что, используя детские воспоминания в своих книгах, особенно пикантные подробности приходилось смягчать — не поверят". Действительно — трудно поверить, чтобы такое творилось в благополучной Британии, в приличной, образованной семье: Но зато понятно, откуда берется в ее книгах все, что может удивить современного читателя: и основательно прочувствованные одиночество, зависимость, слабость, и запредельная бедность многих персонажей, и постоянный страх. Диана говорит, что "начала писать в детстве из-за неутолимого книжного голода — ей всегда не хватало книг".

Сама Диана постаралась стать очень хорошей мамой для своих сыновей, но все равно частенько покидала их на время написания книг — не уезжала, но просто затворялась в своей комнате. Однако сыновья были первыми ее читателями и потому с пониманием относились к этим периодам затворничества.

В Оксфорде Диана училась в ту пору, когда там преподавали Толкин и Льюис. Она считает их своими учителями в литературе: "Как писатель, как читатель, как человек я очень многим обязана Клайву Стейплзу Льюису и Джону Р. Р. Толкину. Льюиса я открыла для себя, когда мне было шесть лет от роду, а на семилетие мне подарили полные "Хроники Нарнии" (до этого я читала лишь отдельные), и я перечитывала их без конца. Тогда-то я впервые задумалась о тех, кто пишет сказки, об авторе, который незримо стоит за кулисами каждой книги. С книгами Толкина я познакомилась позже, в десять лет. Поначалу ко мне в руки из школьной библиотеки попали только первые два тома "Властелина колец", а потом, в 12 лет, я выиграла школьную олимпиаду по литературе и попросила в качестве награды "Возвращение короля"... и наконец-то узнала, чем закончилась история". Правда, она вспоминала, что в ту пору, когда Толкин и Льюис преподавали, многие недоумевали, что они пишут какие-то сказки, и добавляли, как бы в оправдание: "Ну, при этом оба все-таки прекрасные преподаватели".

Когда Диана сама начала писать сказки, она ориентировалась, кроме Толкина и Льюиса, на таких классиков, как Лорд Дансени "and Hope Mirrlees' and James Branch Cabell, Ernest Bramah", про которых говорила: "Эти авторы писали в те времена, когда не было ничего странного в том, что писатель переносил читателя в Волшебную страну, которую он знал так же досконально, как иной автор знает Северный полюс или джунгли. В те времена фэнтези еще была формой магии, а не коммерческим жанром".

Англичане ставят ее в один ряд с такими авторами, как А. Милн, П. Трэверс, Т. Пратчетт, европейцы — с Астрид Линдгрен и Туве Янссон, кое-кто сравнивает ее с теми же Толкином и Льюисом. Единственный из популярных детских писателей, с которым ее не сравнивают, это Джоанна Ролинг. Да и то — сравнение было бы некорректным для автора "Гарри Поттера", которая явно вдохновлялась книгами о Крестоманси и многое у Дианы Уинн Джонс позаимствовала. Достаточно посмотреть на обложку "Ведьмlégisl недели": мальчик в очках на метле... Сразу приходит мысль, что это — очередной клон Гарри, коих немало наводнило как русскую, так и зарубежную литературу. Но "Ведьмина неделя" вышла в 1982 году, а первый роман Ролинг увидел свет в 1997 году. Так что это, скорее, Хогвартс в чем-то списан с интерната Ларвуд-Хаус — такого, каким он предстает в последней главе "Ведьминой недели", когда дети больше не боятся колдовать (и, кстати, в Ларвуд-Хаус имеется злобный сторож с болонкой — явно близкий родственник Филча и его кошки Миссис Норрис).

Конечно, остается вопрос: если Диана Уинн Джонс так популярна и ее романы так хороши, то почему же ее никогда не экранизировали? Ведь именно экранизации делают книги по-настоящему популярными, и не существует лучшей рекламы, чем фильм по книге. Но всего лишь по одному из ее романов сняли телевестель, да и то — книга была без волшебства. Волшебные же истории писательница отказывается продавать кинопромышленникам, которые, разумеется, не раз проявляли интерес к ее книгам. Она почему-то считает, что полноценную экранизацию детской книги, тем более волшебной сказки, сделать невозможно, и признает для своих историй только один вид экранного воплощения — мультипликацию. Однако мультфильмы обычно предназначены более юной категории зрителей, чем потенциальные читатели ее книг... Но вот появился Хаяо Миядзаки, уже прославившийся "Унесенными призраками", показал ей свои наброски для экранизации ее знаменитого романа "Ходячий замок Хоула". Диана Уинн Джонс тут же согласилась и даже заявила, что японец видит ее персонажей и ее мир именно так, как представляла их себе она в период написания книги.

Мультфильм Миядзаки снискал всеобщие восторги на Венецианском кинофестивале, и неудивительно: он должен был понравиться и тем, кто был в восторге от "Унесенных призраками", и тем, кто не принял ту странную японскую сказку. "Ходячий замок" соединяет в себе восхитительную мультипликацию признанного мастера жанра, создающую такие яркие, запоминающиеся, по-настоящему волшебные образы, и вполне "европейский" сюжет, достаточно сложный, чтобы заинтересовать взрослых, достаточно занимательный, чтобы развлечь детей. Однако есть и недостатки: книга-первоисточник все-таки слишком сложна для экранизации, и в результате не все тонкости сюжетных ходов оказались понятны зрителям, с ней не знакомым.

К счастью, недавно "Ходячий замок" был переведен на русский язык. И мы можем во всех подробностях узнать историю юной шляпницы Софи, которая не подозревала о том, что родилась волшебницей и что благодаря ее магии шляпки делают красивыми и счастливыми тех, кто их надевает... Злая Болотная Ведьма позавидовала таланту девушки и заколдовала ее, превратив в старуху, причем Софи еще и не могла никому рассказать о своем несчастье, разве что собеседник сам догадается и спросит. Но никто не догадался — даже колдун Хоул, в чей волшебный ходячий замок она пришла в надежде на помощь. Только заточенный в камине огненный демон Кальцифер увидел злые чары и предложил их снять в обмен на то, что Софи освободит его. Софи остается в замке Хоула в качестве прислуги и оказывается в центре сложнейшей колдовской интриги. Пожалуй, это действительно лучший из романов Дианы Джонс, во всяком случае — здесь она демонстрирует свою невероятную фантазию во всей полноте и многогранности, и роман вмещает в себе столько сюжетных ходов, невероятных событий и магических действ, что их хватило бы не меньше чем на пять книг у менее щедрого и изобретательного автора! Однако Диана Уинн Джонс не "экономит" идеи — у нее их явно больше, чем она способна написать, о чем наглядно свидетельствует серия "Миры Крестоманси".

Книги из серии о Крестоманси издаются в том порядке, в каком они были написаны, но читать их можно в любой последовательности. Хотя они объединены одним персонажем — Кристофером Чантом, который состоит на должности Крестоманси, то есть Главного Ответственного за Магию в Сопредельных Мирах, — это все равно достаточно самостоятельные произведения, действие каждого происходит в одном из Сопредельных Миров, параллельных друг другу и связанных между собой, и что особенно интересно, являющихся отражением друг друга и нашего мира, только в каждом из отражений есть небольшое искажение.

Например, в романе "Заколдованная жизнь" мир развивался по законам магии, а не технического прогресса, и потому XX век там напоминает викторианскую эпоху, зато колдуют практически все, и быть колдуном очень престижно. В семействе Чантов регулярно рождались талантливые волшебники, а в младшем поколении самой способной признана Гвендолен: за успехи в колдовстве ей прощают и вздорный характер, и жестокость. После гибели родителей Гвендолен и ее младшего брата, тихоню Мура, преданно обожающего сестру, отправляют к их дальнему родственнику, Кристоферу Чанту — Крестоманси. И там Мур узнает, что на самом деле могущественный волшебник — он, а сестра просто научилась паразитировать на его магических способностях. Но Гвендолин не хочет уступать и, пользуясь властью над братом, начинает войну против Крестоманси, а Мур слишком привык поддаваться...

В "Волшебниках из Капроны" действие происходит в некоем старинном итальянском городе мостов и каналов, где издавна враждуют между собой два клана волшебников — Петрокки и Монтана, а власть над городом пытается захватить колдунья Белая Дьяволица, мечтающая стереть Капрону с лица земли, втравив в войну с соседними княжествами. И это ей почти удается, когда для достижения победы она разрушает хрупкое перемирие между Петрокки и Монтана, похитив младших детей из обеих семей. И теперь на Тонино и Анджелике лежит

тяжелая задача: им нужно спастись из плена и вычислить Белую Дьяволицу, которая, будучи оборотнем, может прикидываться кем угодно... Затем — помирить свои семьи и уберечь от войны Капрону, для чего они должны открыть тайну свитка в руках у каменного ангела. Сложная задача для детей, но в книгах Дианы Уинн Джонс детям никогда не бывает легко!

В уже упоминавшейся "Ведьминой неделе" мир очень похож на Англию середины XX века, но и там о колдунах знают и борются с ними жестокими, средневековыми методами: недели не проходит без известия об очередном аутодафе, свирепствует инквизиция, и преследованию может подвергнуться любой гражданин начиная с одиннадцатилетнего возраста, если он только будет заподозрен в колдовстве... В школе–интернате, где учатся дети сожженных колдунов и ведьм, ситуация особенно напряженная, потому что все знают: колдовской дар нередко передается по наследству. И вот в одно жутковатое утро на стол учителя попадает записка: "Кое–то в этом классе колдует". А в классе подозревают, что колдуном является кто–то из четверых аутсайдеров — то ли замкнутый странноватый Чарльз, то ли забитый одноклассниками школьный шут Брайан, то ли тихая толстушка Нэн, то ли умный и язвительный англоиндус Нирупам... Учителя ведут свое расследование, школьники — свое.

"Жизни Кристофера Чанта" представляет собой собственно историю Крестоманси: одинокий ребенок из несчастливой семьи, маленький Кристофер умел путешествовать по разным мирам и даже приносить оттуда сувениры. Довольно долго эта невероятная способность оставалась для него не более чем хобби, но потом в его жизни появились необыкновенный дядюшка и необыкновенная нянюшка, а в параллельных мирах ему удалось подружиться с загадочным странником Такроем, девочкой–колдуньей Ашхет и свирепым мудрым котом Трогмортеном, а так же ввязаться в весьма рискованные приключения, благодаря которым он и займет в будущем должность Крестоманси, Главного Чародея Всех Параллельных Миров.

Всего у Дианы Уинн Джонс вышло пять романов из серии о Крестоманси, на русском языке уже изданы четыре, непереведенной остается книга "Вихри волшебства".

Отдельно, в серии "Волшебный амулет", то же издательство "Азбука" выпустило ее первую книгу: "Зуб Уилкинса" (1972). В Британии она сразу же стала бестселлером и вызвала неоднозначную реакцию критики: дело в том, что Диана Уинн Джонс нарушила законы своеобразной политкорректности, по которым писатели никогда не изображают злых ведьм такими, какими их видели инквизиторы: то есть странными и уродливыми старухами. Считается, что это просто непорядочно по отношению к памяти бесчисленных жертв охоты на ведьм, да и по отношению к непривлекательным пожилым женщинам тоже. Однако в книге "Зуб Уилкинса" ведьма Бидди предстает в "классическом" обличье: полусумасшедшая неопрятная старуха, живущая в убогом домишке возле свалки, в компании черной кошки. И занимается она обычными ведьминскими делами — насылает порчу на детей, захватывает власть над слабыми, разлучает любящие семьи и разоряет благополучных. Дети подозревают ее в колдовстве, но взрослые, будучи материалистами, считают Бидди просто несчастной больной женщиной. И не поддерживают своих сыновей и дочерей, когда те отправляются в своеобразный крестовый поход против колдуньи.

А началось все с того, что брат и сестра, Фрэнк и Джесс Пири, пытаясь заработать на карманные расходы, создают фирму "Справедливость", в которую могут обращаться все, кто жаждет возмездия за нанесенные обиды. Но первый же заказ оказывается слишком сложным: местный хулиган Гибл требует за свой выбитый зуб — зуб обидчика, чернокожего подростка Вернона Уилкинса. Будучи добрым малым, Вернон отдает Фрэнку и Джесс молочный зуб своего братишки Сайласа, благо заказ был на зуб Уилкинса и, передавая добычу Гиблу, представители "Справедливости" просто не поясняют, какого именно... Но они не могли предположить, что Гибл отнесет зуб Уилкинса ведьме, а она напустит порчу, жертвой которой станет малыш Сайлас. Теперь Фрэнк и Джесс должны вернуть зуб и снять порчу, но всего за один день интрига, в которую они ввязались, многократно усложнилась.

Можно спорить о неоднозначности нравственного восприятия этой книги, но высокое литературное качество всех без исключения произведений Дианы Уинн Джонс бесспорно. Это великолепное, захватывающее, мистическое фэнтези, написанное с глубоким знанием европейских легенд о колдовстве. Яркие, реалистичные образы органично вплетаются в волшебный сюжет, придавая ему жутковатое правдоподобие.

"Каждая книга — это эксперимент, попытка написать некую идеальную книгу — такую, которая понравится моим детям, такую, которой мне не хватало в детстве", — говорит Диана Уинн Джонс. В работе для нее нет никаких четких условий и законов: одну книгу она писала восемь лет, другую — две недели. Утверждает, что книги в ее жизни сбываются: напишешь что–нибудь, а оно тут же и происходит.

Всего же писательница создала двадцать три книги для детей, три пьесы и еще один взрослый роман ("Changeover"), и есть надежда, что если российские издатели и читатели оценят ее произведения по достоинству, то знакомство продолжится.

Елена ПРОКОФЬЕВА, Москва, Россия

Открылась новая серия фантастики

В Киеве открылась новая серия фантастики. Издательский дом "Сварог" (Киев) с декабря прошлого года начал выпуск книг отечественных и зарубежных авторов в серии "Библиотека вторжения". "Библиотека" стартовала романом "Испытание Тьмой" Петра Верещагина, за ним последовали двухтомник "Полководцы" Нины Чешко, книга "Заря над Армагеддоном" Федора Чешко, сборники Елены Руденок ("Звериная свадьба") и Владимира Аренева ("Немой учитель").

Уже в марте любители фантастики смогут прочесть новый роман Дмитрия Казакова "Чаша гнева" и одну из лучших книг современной немецкой фантастики — "Сакриверсум" Томаса Р. П. Мильке (кстати, Мильке — гость "Еврокона", который пройдет в Киеве в апреле этого года!).

Также в серии запланированы к выходу новые книги Владимира Аренева, Сергея Белецкого, Галины Вайпер, Юлии Горишней, Льва Жакова, Вениамина Климовича, Ильи Новака и других авторов. Первые книги серии выходят на русском языке, однако будут выходить романы и на украинском.

Книги серии оформлены таким образом, чтобы читатель сразу мог определить, что перед ним: на обложке размещена "печать" со стилизованным изображением звездочета (для научной фантастики) или сказочного зверя (для фэнтези). Характерные зеленые обложки выделяют книги "Библиотеки вторжения" среди других.

Мы искренне надеемся, что киевское издательство ждет успех на фантастическом поприще. Ну а "ПФ", как всегда, постарается оперативно информировать вас об ожидающихся новинках!

За предоставленную информацию спасибо В. ПУЗИЮ и ИД "Сварог"

"НА ЗАКАТЕ ДНЯ..."

Пели девушки за окном песню древнюю, ворожейную. Стояла у окна Леля, глядя в глаза любимые, синие. Просила — возьми. Клялась — обузой не стану. А он знай одно твердил — не место тебе в дороге дальней, опасной. Дома жди. Вернусь.

Врут песни.

Стоит у окна Леля, в шаль цветастую кутается, глядит в небо синее, предвечернее. Розы алые на шали — он дарил. Ромашки белые — на любовь его гадала. Яблоневый цвет нежный — под ним прощались, и падали наземь лепестки, заметали траву, ровно снег. Холодно Леле. Обводит цветы кольцо пути бесконечного. Врут гадания.

"Там, через дорогу, над рекой широкой..."

Тянут девушки за окном песню древнюю, чародейную. Глядит Леля в небо, в облака высокие, видит дорогу дальнюю, пылью заметенную, век нетоптанную. Едет милый: и конь богатырский устал, и сам понурился–закручинился. Смотрит Леля в лицо суровое, возмужавшее, головой качает, губы усмешка горькая кривит. Сколько лет прошло, милый? Считаешь ли?

Вот к реке спустился, водой в лицо усталое плеснул, к небу взгляд поднял.

Шевельнулись губы обветренные, пылью дорожной иссеченные: куда, облака, не к ее ли дому? Передали б весточку...

Зря просишь, милый, зря надеешься. Врут облака.

Доверчив ты, милый. Наплели тебе сказок, напели в уши: о любви вечной, что смерть побеждает, о рыцарях, что, трудный путь одолев, приносили невестам яблочки молодильные, да о невестах, добывших воды живой для павших рыцарей... милый, милый, надо ж и самому иногда думать! Разве то любовь, когда потерять ее боишься без яблок молодильных? Когда я дома верность храню, а ты — в дороге долгой на других не глядишь? Глупости, милый.

Врут сказки.

Водит Леля пальчиком по стеклу, рисует розы да ромашки, обводит кольцом дороги бесконечной. Поют за окном девушки:

"Я вернусь домой на закате дня..."

Вернешься, знаю. Найдешь для меня яблок молодильных, чтоб не обидно было за красу девичью ушедшую, за жизнь, в ожидании зря потраченную. Да и я живой воды приберегла. Только глупости все это. Что толку в опасной дороге твоей, в моем ожидании долгом? Вернешься, и очутимся там, где и были, и бесконечный путь ляжет впереди, неведомый, непознанный, в целую жизнь длиной.

Лишь та дорога чего–то стоит, что пройдена — вдвоем.

Алла ГОРЕЛИКОВА, Таганрог, Россия

Как не надо писать фантастику

(штампы и штампоборчество)*

Сюжет: штормы и цунами

В произведениях многих начинающих очень часто сюжет — самый провальный момент. Я могу вспомнить немало рассказов с интересной идеей, почти столько же — с интересными языковыми находками, но почти ни одного, который бы хвалили за сюжет. Как правило, все очень прямолинейно, оттого предсказуемо, и, в свою очередь, неинтересно.

Начало и конец — когда читатель приступает к произведению, у него заведомо заготовлена "фора" для автора, повышенный градус благожелательного интереса к тексту. И это ожидание лучше не обманывать. Если читатель с первых же строк натыкается на штамп, излишний пафос, "воду", стилистически корявое предложение — это приводит к разочарованию. Немало читателей на конкурсах (и не только) составляют впечатление о рассказе по первым предложениям — и, положа руку на сердце, нельзя сказать, что они совсем не правы. Именно поэтому первая фраза всегда так дико важна, так ответственна. То же касается и первого абзаца, и вступления в целом. Поэтому над вступлением нужно думать более основательно, чем над всей остальной частью текста (кроме заключения — последняя фраза также очень важна). Должно быть что-то яркое, парадоксальное, и обязательно стилистически безупречное.

Основные варианты концовки — "хэппи-энд" (все поженились и жили долго и счастливо), "дэд-энд" (короче, все умерли, а те, кто выжил — позавидовали умершим), "закольцованная" (повторяется та же ситуация, с которой начался рассказ) и "открытая" (они вошли в черную дверь... а вы уж там сами решайте, поженились ли они, или умерли) — изъюзаны достаточно сильно. Поэтому пользоваться ими нужно осторожно и продуманно. Не давать в лоб. Не увлекаться недосказанностью. Открытая концовка по моему наблюдению гораздо лучше цепляет, если автор сам все-таки продумал конкретный вариант развития событий, хотя и не дописал. Если же автор сам не знает, "что там было дальше", это всегда чувствуется. Чувствуется пустота и неумение автора элементарно продумать то, что он хочет сказать.

Композиция — самая кондовая, самая нудная схема сюжета — пересказ-диалог-пересказ-диалог-пересказ-диалог. От такого всегда усохнуть можно. НЕ НАДО пересказывать, надо ПОКАЗЫВАТЬ читателю сами действия, картинки — вот тогда уже "пойдет кино" у него в голове, тогда читатель получит шанс вжиться в текст, увидеть его. Очень часто в рассказах начинающих сюжет-схема подан примитивно-линейно. Все монотонно, по порядку, как акынская песня "слева от меня сосна, еду дальше — вновь сосна, а за ней — еще сосна, а потом — опять сосна...". Это уже давно считается моветоном и низким уровнем. Сюжет надо ЗАКРУЧИВАТЬ. Самые простые приемы сделать его интереснее — подать, например, с двух или более точек зрения (разных героев, например), или, разбив на куски и перетасовав (но обязательно обоснованно!), подавать читателю как головоломку, которую ему по ходу было бы интересно разгадывать, или сделать несколько планов в повествовании, углубив его за счет их параллельного развития.

Кстати: если вы задаете читателю головоломку, обязательно предоставьте ему реальную возможность самому ее решить. Для этого нужно по ходу повествования разбрасывать намеки на разгадку. В противном случае читатель при развязке ощутит неизбежное разочарование, ведь автор его обманул, решив задачу с помощью "рояля в кустах". В результате — интерес падает капитально.

Интрига — еще один эффективный способ оживить сюжет — вставить в него интригу, загадку, которую читатель будет разгадывать в процессе чтения. Однако здесь тоже не все просто. Те начинающие авторы, что знают об интриге, иногда думают: подкину я читателю загадку в духе: "так кто же это такой таинственный компостирует главгера, и на кой?", и читатель будет, затаив дыханье, впиваться в каждую страницу. Но читатель уже привык к таким загадкам, и одной такой, чтобы держать внимание на большом пространстве текста, маловато. А вот если загадок несколько, и раскрываются они последовательно, по цепочке, и сами по себе разнообразны... В общем, похитрее надо все подавать, открывать карты не сразу, а постепенно, даже в мелочах что-то придерживать от читателя, изящными загадками и разгадками его потчевать — он этого, может, и не заметит, но зато в текст вопьется так, что про футбольный матч забудет — ведь именно из таких вот штучек и делаются вещи, от которых "не оторвешься".

Персонажи: айсберги и саргассы

Еще одна (какая уже по счету?) беда начинающих — картонные персонажи с блеклыми описаниями, недостоверным поведением, заштампованной речью. Как с этим справляться — не скажу. Для меня самого работа с персонажами — самая тяжелая. Но отчего получается картон, все же попытаюсь обрисовать.

Герои остаются шаблонными типажами, когда читатель не видит в них ни загадки, ни предыстории, ни конфликта, ни развития отношений, ни каких-то бытовых деталей, мелочей, которые показывали бы их жизнь, что эти люди за пределом повествования чем-то занимаются, что-то делают, а не как дурные актеры, которые, отыграв свою сцену, послушно уходят за кулисы и топчутся там, в темноте, ожидая, пока снова не наступит их очередь выползти под свет прожекторов и отчитать положенный текст. Ни заинтересованности, ни сопереживания такие актеры, естественно, не вызывают. Еще шаблонность возникает, когда все персонажи раскрашены одним цветом — либо белым, либо черным. Эти у нас хорошие, эти плохие. Навсегда. Намертво. Автор не показывает, что у "плохих" своя правда может быть, а "хорошие" — не всегда правы и совершенны, тоже делают досадные, непростительные ошибки, и что тот, кто кажется, например, с первого взгляда плохим, на самом деле оказывается прав, а тот, кто, вроде бы — в доску свой, на самом деле мерзавец — а ведь в жизни-то именно так и бывает, нет "опереточных злодеев", на которых сразу написано: "злодей".

Кроме того, не лишне хорошенько подумать над именем главного героя. Лучше, если имя (или сочетание имя-фамилия, имя-отчество) будет звучное и не шибко распространенное. На досуге обратите внимание на имена самых любимых литературных героев современности — много ли среди них Джонов-Джеков-Маш-Паш-Даш? Если сюжет позволяет, для части персонажей вообще лучше заменить имена на звучные, яркие прозвища. Читатель будет иметь больше шансов их запомнить, а кроме того, у прозвищ есть и еще один полезный момент — в отличие от имен, они "говорящие", сообщают определенную информацию и о персонаже и об отношении к нему товарищей, в среде которых он получил это прозвище.

Еще не помешает определить для главного героя (а лучше для каждого значимого персонажа) его мировоззрение. Человек с продуманной системой ценностей, пусть даже отличной от моей собственной, всегда выглядит оригинально на фоне размытых общечеловеков-гуманистов на голливудский манер, заполонивших, увы, весьма многие рассказы, даже неплохие. За счет нестандартного персонажа сразу оживляется сюжет, интересно наблюдать за его реакциями.

Антураж: глубоководные мины и морские чудовища

Здесь как и с персонажами. Очень часто мир, в котором происходит действие рассказа — фанерный. И, в общем-то, по тем же причинам. Никакой конкретики, нечего "пощупать", ни вкуса, ни цвета, ни запаха, ни ярких картинок или образов. Никакой фактуры. Никакой достоверности. А все — от недостаточной продуманности.

Если большая часть рассказа проходит в комнате или на даче — нарисуйте на отдельном листке план комнаты или дачи. Если в осажденном гарнизоне — нарисуйте этот гарнизон. Продумайте, что где должно находиться и как выглядеть. И потом, при каждом движении героев, сверяйтесь с планом — откуда куда пошел герой, мимо чего прошел, сколько времени у него это заняло, кого он мог встретить по дороге, что увидеть. Это не нужно подробно расписывать каждый раз, но это самому автору нужно очень четко представлять, "видеть". Если сам автор не видит картинки, то тем более она не вспыхнет и у читателя в голове.

Не забудьте про пейзаж, особенно если он инопланетный: определите климат, окружающий ландшафт, время года, погодные изменения. Справа лес? Горы? Пустыня? Степь? Где-то есть река, ручей? Дороги? Там жарко или холодно? Как там по утрам? Какой закат, какой восход? Ветер дует, или нет? Если да, то когда и какой? Приятно это, или не очень? Когда идет дождь? Ливень или моросит? Град? Снег? Скоро лето или зима? День ото дня теплеет или холодеет? Природа расцветает или увядает? Все это надо продумать и использовать (упоминать обязательно в каждом эпизоде и обязательно через призму отношения героев!), тогда мир окружающий заиграет красками, тогда читатель поверит в него. То же касается и бытописательства — продумать быт, вообще насытить повествование оригинальными, не шаблонными деталями — тогда возникнет фактура. В общем и целом: тщательно продумывайте тот мир, который рисуете, и сами удивитесь, насколько интереснее могут стать ваши тексты.

Моветон

Прошу заметить, что я в этом случае не транслирую собственные вкусы и представления, а просто фиксирую те моменты, которые в силу разных причин вызывают раздражение у подавляющего числа конкурсантов, членов жюри и редакторов журналов.

Употребление мата — ваше право, как автора, только не забывайте, что количество читателей, которые придут в неописуемый восторг от употребления мата в произведении, НА НЕСКОЛЬКО ПОРЯДКОВ меньше, чем количество читателей, у которых это вызовет отвращение к вашему тексту. Авторы-матюгальники любят приводить в оправдание, что у них в тексте люди должны разговаривать, "как в жизни", однако жизненность текста достигается вовсе не стенографированием уличных базаров, а совсем другими средствами, и если автор не в состоянии достичь достоверности диалогов без употребления мата, это свидетельствует лишь о его неспособности, и больше ни о чем.

(Продолжение следует)

Юрий МАКСИМОВ,
Москва, Россия

*** Продолжение. Начало в "Просто фантастике" № 10–12 за 2005 год, № 1–2 за 2006 год**

Жанна

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас бросило в путь по высокой волне?
Нам сиянье пока наблюдать не пришлось.
Это редко бывает: сиянье в цене.

В. Высоцкий

— Но отчего именно этот день? — менеджер фирмы (на баджике значилось "Ирина"), в деловом костюме, туфлях на высоких каблуках и с классической прической была искренна в старании услужить. — Есть много других прекрасных дней, — уговаривала она. — Встреча Клеопатры с Цезарем, к примеру. Или венчание Екатерины Великой на царство. Очень, очень многие это выбирают. Представляете, храм...

Лариса покачала головой.

— Но к полудню там все закончилось! — страдала Ирина. — Или даже раньше. А вы платите за день. Мы не можем возвратить...

— И не надо.

— Тогда распишитесь. Здесь... и здесь... — менеджер, надрывно улыбаясь, подставила распахнутую папку из мягкой кожи, протянула "паркер" с золотым пером. У солидной фирмы солидное лицо. — Идите за мной.

За полукруглой дверью матового стекла была полутемная комната с кушеткой, стеклянный столик и медсестра. Лариса подумала, что жутко боится уколов, но не отступила.

...Душный воздух мокрой простыней облепил лицо. Попасть из зимы в лето... 31 мая, 1431 год.

Средневековый Руан. Самый обычный, коричневый и серый город. Запахи, лица, звуки... Закружилась голова. Ларису предупреждали, что в первый миг будет так. Потом это пройдет. Главное, прикинуться, что тебя нет, и спокойно насладиться купленным тобою прошлым. Целый день в шкуре, точнее, в разуме исторической личности — это стоит потраченных денег.

Телега грохотала и подскакивала на колдобинах; заглушая стук подков, визжали колеса, скрипели дощатые борта. Эхо билось между тесными домами, нависали над головою верхние этажи. В пролом улицы было утреннее, но уже горячее солнце. Ветер, срываясь, гремел водостоками, вращал скрипучие флюгера. Ветер доносил запахи свежей выпечки, навоза, дыма. Смазки, ржавчины и железа. Стражник сидел, свесив ноги через грядку деревянного короба повозки, упирался копьем в дно. Его шлем был похож на круглый котелок с широкими полями. Солнце сверкало на шлеме резко, как на реконструкторских фотографиях. Сколько же нужно упорства, чтобы так отполировать железо...

Вдоль улицы выстроились люди. Стояли странно тихо, только запахи витали в воздухе, только ветер шевелил и ерошил волосы и непривычные взгляду одежды. И латники отгораживали повозку от толпы точь-в-точь, как ОМОН на шествиях. И молчали тоже. Тележка плыла, будто в киселе. А потом открылся старый рынок, на котором сегодня никто не торговал. Помост. И высокая поленница. И все та же молчаливая и неподвижная толпа вокруг, отделенная плотной стеной английских копейщиков. Венец судьбы, вместившейся в полторы странички из учебника истории.

Лариса заторопилась. Она знала, что Жанна не испугается, привычная слышать голоса, и даже готовилась представиться одной из тех самых святых, что Орлеанской Деве являлись. А проблемы непонимания и разницы в языках не существует для внутренней речи. "Мы меняемся разумами..." У Саймака это было, кажется? Если бы все так просто... Лариса и Жанна тогда бы слились и продолжали жить в одном теле, вернувшись в 21 век. Экстрим-туристов выдергивают из сознания обреченных в последний момент. Так написано в рекламном проспекте, и проспект не врет. Проблема лишь в том, что назад всегда забирают один-единственный разум. И пока никого не перепутали. Но, видимо, никто и не пробовал остаться. Примерить чужую шкуру — одно, а утонуть в чуждом мире навсегда? "А при Грозном жить не хочешь? Не мечтаешь о чуме Флорентийской и проказе? Хочешь ехать в первом классе, а не в трюме, в полутьме?"

Классик, твою мать! "Времена не выбирают"?! Лариса скинула наваждение неприсутствия: точно вокруг снимают кино, и в любой момент можно уйти с площадки. И ощутила чужие недоумение и страх. Впрочем, с ней, с Ларисой, никак не связанные. Жанну обманули, ей обещали жизнь — и нарушили обещание. Расцарапать бы главному обвинителю Кошону его гадкую харю! Свинья!

"Жанна, послушай меня", — позвала Лариса. "Здравствуй. Ты..." — облегчение и радость. Как гостья и надеялась. "Жанна. Ты веришь в Бога?" "Верую в Отца единого и Вседержителя..." "Хорошо. Он... ну, у него не получается спасти твое тело. А душа... Ты... сейчас отправишься в будущее. Ты не бойся. Ты ведь слышала голоса?" "Раньше, — подумала Жанна, улыбаясь. — Я не боюсь. Святая Катерина и святая Маргарита приходили и говорили со мной. И еще архангел Михаил. Подсказывали, что мне делать. И что будет потом. Только их давно..." "Я знаю. Ты сейчас отправишься в будущее..."

Справится, подумала Лариса, и никто ничего не заподозрит. Бывают сколы, когда пришелец уносит домой отпечаток чужой личности. Потому всем туристам полагается пройти реабилитацию, страховка оплачена. Язык Жанна за это время выучит. И кое-какие реалии. Хватит на первое время. А что тело старше на двадцать лет — в будущем это еще не старость. Дети выросли, от них проблем не будет. Зато жива. Не умрет в неполные девятнадцать. Или двадцать? Зачем я это делаю?!..

"Запомни. Там тебя станут звать Лариса. Ла-ри-са. И не удивляйся ничему".

Все будет хорошо. Подсознание вытянет, темная память сохраняет все прошлое и подскажет, как быть, новому разуму или — душе?

"А ты?" — просто спросила Жанна.

Лариса стиснула зубы. Мельком удивилась, что взяла чужое тело под контроль. И задумалась, что хочет доказать своим поступком себе... А рука в латной перчатке уже подана, и под босые ноги легла мостовая... деревянные занозистые ступеньки (щека дернулась от боли). И толстый монах с помоста зачитывает приговор.

Ну когда же они?!..

Мгновенная и непривычная пустота. Возможность почти спокойно додумать (толпа молчит, лишь на ком-то из стражей звякает плохо пригнанный доспех). Возможность раз и навсегда выбрать из двух путей: материального благополучия и престижа — и чего-то, презираемого общественным подсознанием, хотя и преподанного, как идеал. Того, что в городе, забранном в решетки и железные двери, кажется эфемерным, глупым, годящимся только для романтичных подростков — если такие еще где-то есть. Того, что рвется из бардовских песен и кажется истинным и нужным лишь до тех пор, пока эти песни звучат.

Палач возится над факелом. Нет у него бензина, бедный... Лариса скривила рот. Цинизм — оборотная медаль не романтики, а страха. А ведь в будущем совсем такой же мир — несмотря на компы и мобильники. И эти люди, которые молчат, будут молчать и там, не разбирая разницы между государством и родиной. А Жанна — лишь забытое знамя, белая орифламма с тремя золотыми лилиями. Не сохранилось ни одного прижизненного ее портрета. Некоторые историки всерьез спорят, а существовала ли Орлеанская Дева вообще. Может, ну их в пень, испортить им легенду, закричав не: "Крест! Дайте мне крест!", а "Зеркало! Дайте зеркало!!" И увидеть. Какая она, Жанна. Есть ли я. "...и все на счастье: даже небо это рюмкой об пол..." Лица у священников на помосте вытянулись. Они завопили, и грубая рука в кожаной перчатке заткнула Ларисе рот. Так просто было принять за заклинание обыкновенный русский язык.

Ника РАКИТИНА

STARЫЙ КОНЬ БОРОЗДЫ НЕ ИСПОРТИТ

Компьютерная игра "Звездное наследие: Черная кобра"

***Жанр:** адвентюра*
***Производство:** Step Creative Groupe, реализация: 1S*

Впервые эта замечательная игра была выпущена в 1995 году для платформы ZX Spectrum. Поколение девяностых должно помнить эти компьютеры с памятью всего лишь 48 или 128 Кб. Конечно, это не сравнимо с нынешними машинами, но какие увлекательные игры делали для Спектрумов! "Звездное наследие" — одна из таких игр. Классический фантастический сюжет, мудреные головоломки, и, самое главное, дух настоящих приключений и таинственная атмосфера.

Все это сохранилось и в римейке 2005 года уже для современного поколения PC.

В далеком будущем Вселенная находится под властью жестоких пришельцев из другого мира — артангов. Главный герой игры — агент Сопротивления терпит крушение на неизвестной планете. В процессе спасения собственной жизни он делает удивительные открытия, одним из которых является обнаружение следов легендарной "Черной кобры" — космического корабля, на котором перевозились сокровища для войны с артангами. Игроку предстоит открыть все эти тайны.

Конечно, игра в первую очередь предназначена для ностальгирующих по Спектруму "старичков", но, думаю, и молодому поколению, любителям квестов, понравится.

Графика в игре потрясающая. Каждый пейзаж хоть сейчас можно отправлять в музей изобразительных искусств. Также следует отметить красивую, запоминающуюся музыку. Недостатки: медленная загрузка новых уровней и заикание видероликов. Рекомендуется игру пропатчить. Все прочее — выше всяких похвал.

Успехов в борьбе с космическими захватчиками!

Мировое Зло

Светлана Прокопчик "Русские ушли"

или три источника, три составные части загадочной русской души

Начну, пожалуй, с того, что мне книга понравилась. Понравилась любовью к русским и России. Даже если автор вкладывала совершенно иной смысл в этот роман, меня он пленил именно любовью.

Будем считать преамбулу законченной и пойдем дальше.

Как театр начинается с вешалки, так и книга начинается с обложки. Художник изобразил мужественного вида молодого человека, решительно натягивающего перчатки. Не знаю кому как, но мне сразу показалось, что этот бравый молодчик начнет в первых же эпизодах бить морды всем врагам русского народа. Задний план, а именно пикирующее нечто, не вызывает вопросов о жанровой принадлежности романа. Итак, перед нами — фантастический боевик.

Внутренне напрягаясь (поднадоели клоны "Войны миров", не так ли?), переворачиваем первую страницу, и... понимаем... В который раз понимаем, что ни людей, ни книги нельзя встречать "по одежке".

События, описанные в романе ни в коем случае нельзя причесать под привычную всем любителям легкого чтива гребенку. "Русские ушли" нельзя читать, коротая время в общественном транспорте, во время перекура или приема пищи. Эта книга полностью отвлекает вас от окружающего мира. Есть только вы и главный герой — Майкл Тейлор (в третьей части–главе — Михаил Портнов). Погружение в текст заставляет спорить с автором, злиться, радоваться и сопереживать. Иными словами, механически равнодушно проглотить роман невозможно. А вот это ЗДОРОВО! Давно, очень давно я не встречал подобного рода книги. Пожалуй, после "Ночного смотрящего" ничего и не припомню.

Не растекаясь мыслью по древу, коротко о романе. Светлана разделила книгу на три части, которые назвала главами. А почему бы и нет? Тем более что главы отличаются друг от друга не только сюжетными линиями, но и жанрами.

Итак, глава один или космоопера. Сказ о мальчике–мажоре, лишенного по прихоти судьбы и внушительного банковского счета, и богатого папочки, и руководящего портфеля в трансгалактической корпорации РАСТ и в довершение всех бед обвиненного в убийстве. Фарс? Ой, нет. Вереница случайностей, нагромождение действий, калейдоскоп персонажей нисколько не портит впечатление. Майкл попадает во враждебную среду, скрывается от преследования, опускается на самое дно, но не перестает сопротивляться. Диву даешься, как вчерашнему баловню судьбы это удается. Светлана строит повествование таким образом, что вспоминаешь незабвенное шекспировское "каждый из нас сад, а садовник в нем воля", т.е. по мере развития событий становится ясно — герой — не размазня, есть в нем внутренний стержень.

Глава два или колымские рассказы

Разогнав читателя до третьей космической, автор резко, но умело тормозит. Начинающий приедаться образ везунчика Майкла Тейлора, вдруг заиграл новыми красками. Немного неторопливое изложение событий за колючей проволокой придает новые грани внутреннему миру героя. О зоне написано много. Нетрудно представить себе жестокие лагерные законы, непростые взаимоотношения заключенных между собой и с начальством. Все это давно описано и Шаламовым и Солженициным и другими писателями. Казалось бы, что новое можно было выбрать из этой давно оскудевшей творческой жилы? Знаете, а ведь можно! Светлане Прокопчик удалось избежать главного — налета романтики. Основной вывод второй части — человеку не место за решеткой! Зверю — да. Никого из героев нельзя назвать положительным, но в процессе чтения понимаешь, что окажись сам на месте персонажей романа, вряд ли смог бы выглядеть лучше.

Глава три или альтернативка

Майкл Тейлор наконец–то становится Михаилом Портновым и возвращается в Россию. Только это не страна, а планета, скрывающаяся от чужих. Парадоксально, но чужими можно назвать весь мир. Вперед в прошлое? Железный занавес? Лучшие традиции застойного периода? Нет, нет и еще раз нет. Русские ушли, запустив систему обороны во время очередного противостояния с американцами. Что–то не так пошло, или не сработало пресловутое "авось", и целая нация исчезла в бескрайнем космосе, материализовавшись на огромных просторах нового мира. Вот так.

Повзрослевший главный герой служит в армии, призванную защитить страну от... Знаете, крайне сложно ответить на вопрос: "а против кого мы дружим?", а тем более, от чего же надо защитить страну? Позволю высказать крамольную мысль — от засилья западной культуры. Пора, давно пора вспомнить о своих корнях, прекратить тупые заимствования и глупые подражания заморскому богатенькому буратинке.

Играя второстепенными на первый взгляд персонажами или даже антуражем (чего стоит реверанс в сторону монархического правления) Светлана вовлекает читателя в борьбу со всепроникающим ныне злом — ксенофобией. Оглянитесь вокруг. Врага–то и нет, а король–то голый!

Несколько слов о языке. Невооруженным взглядом видно, что роман неоднороден только сюжетно, но и стилистически. Однако это никоим образом нельзя назвать недостатком. Парадоксально звучит, но я бы отнес разницу, стилей к находкам автора. Мне кажется, что Светлана намеренно показала читателю духовный рост Майкла–Михаила, прибегнув к умышленно простой авторской речи в космоопере, незамысловатой — в "соловках" и неторопливой, временами велеречивой (или солидной, по–русски обстоятельной?) — в альтернативе. Герой растет — меняется и стиль.

Читая любую книгу, каждый из нас обращает внимание не только на то, ЧТО, но и КАК написано.

Стилистика романа "Русские ушли" — резкая, кому–то может показаться даже шокирующей, но, тем не менее, автор ни единым словом не вышла за рамки принятых в современной литературе этических норм. Именно нападки на Светлану за излишнюю грубость языка и вынудили меня дать отпор ханжески настроенным читателям, мнящим себя знатоками литературы. Долой реверансы. Именно что "мнящим", потому что Миллер, Паланик, Хоум, Кен Кизи и другие писатели, очевидно, прошли мимо этих знатоков.

Я не хочу претендовать на истину в последней инстанции. Я, также как и те, кто считает роман грязной чернухой и литподелкой, имею ПРАВО на свою точку зрения. Сюжет вкратце проанализирован, а теперь время остановиться на грязи.

Дамы и господа

Вы что с неба свалились? Неужели никто до сих пор не знал, что на зонах есть петухи, что мужеложство — норма жизни за решеткой? Неужели никто слыхом не слыхивал о том, что уже сейчас скульптуры делают из дерьма, а люди раз в сутки при нормальном пищеварении испражняются? Неужели никто не ведал о том, что существует такое понятие, как сексуальные извращения? Неужели никто и никогда не испытывал дикого, граничащего с помутнением рассудка сексуального влечения? НЕ ВЕРЮ!

Такое впечатление, что мы живем в райских садах, питаемся исключительно нектаром, земля устлана лепестками роз, а в воздухе витает тонкий аромат амброзии. Тоже мне, Эдем! Оглянитесь вокруг! Насладитесь вкусом канцерогенных заморских продуктов. Посмотрите в глаза наркомана. Поздоровайтесь за руку с сифилитиком. Нравится? Вот и мне не очень.

Хватит страдать ерундой. Сила русского (читай славянского) духа еще и в том, что мы, как никто другие способны не только жить в грязи, но еще и смело говорить об этом. Да, при этом наш лепет о том, что "так нельзя, нужно что–то делать" в основном раздается с широких полатей русской печи. Как вариант, наше негодование происходящим вокруг можно услышать на кухне. Знаете, что удивительно? И в первом и во втором случае, мы стыдливо отводим взгляд, ханжески произнося в конце: "Фи! Да это же моветон!". Встречая же тексты, в которых вещи названы своими именами, тотчас с пеной у рта начинаем обвинять автора во всех смертных грехах.

Объективности ради стоит сказать, что Светлану Прокопчик никак нельзя назвать первопроходцем жанра жесткого реализма. Классики литературы — Достоевский, Куприн, Де Сад, Диккенс — писали о грязи, не пытаясь закрыть глаза на пороки современного им мира. Фантастическая литература второй половины прошлого столетия подарила нам целую плеяду авторов, создавших фантастический реализм — это в первую очередь Филип Дик, Уильям Гибсон и все кибер–панки. Даже советская, цензурированная фантастика может гордиться тем, что не осталась в стороне от тенденций в мировой НФ. Речь идет о романе братьев Стругацких "Град обреченный".

Но... Скажите, а много ли вам встречалось книг "развлекательного" жанра, к коим по недоразумению относят фантастику, говорящих открытым текстом "ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!"? Досадно, что обсуждение романа в сетевых ресурсах свелось к обвинениям автора в попытке подать "клубничку". В книге "Русские ушли" вся ненормативно–фекальная лексика служит определенной цели. Цель же эта проста и понятна — это роман о дерьмовом обществе, в котором герои пытаются жить по–человечески!

Откуда у нас это раболепие перед красивостями и ненависть к реалиям? Может хватит? Отступать–то некуда. Давайте честно признаем, что мы живем в дерьме, нами правят вертухаи, а сами мы недалеко ушли от положения "опущенных" на зоне... Не согласны? Так давайте хоть как–то бороться!

В качестве лирического отступления не могу не сказать, что вскрывая гнойник, врач преследует единственную цель — исцеление. Спросите у любого доктора, сколько миазмов он вдохнул, сколько бактерий или вирусов сожрал. За наше с вами, между прочим, здоровье. Я считаю уместной именно такую аналогию. Светлана ли, другой писатель — сродни хирургу, пациентом которого выступает широкая читательская аудитория.

И мы или переживем операцию или... лучше действительно уйти!

Мирослав ПОПЕРНЯК,
Одесса, Украина

"Я возьму сам..."

(печатается сокращенный вариант статьи)

"...несравненное право самому выбирать свою смерть!"
Н. Гумилев.

Он не выбирал смерть. Он выбрал жизнь. Свою, не чужую. Не с чьего-то плеча.

Ему настойчиво подсовывали чужие жизни, дарили... И какие! Многие бы с радостью согласились. Шах, шахиншах... Фальшивка! Ненастоящее!!! Нет, господа, все самой высшей пробы. Но не свое, дареное. А он хотел сам. Сам, черт возьми! Хотел — и взял.

Он доказал проклятой судьбе, что мертвых не существует.

Он — Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби Ахмед ибн аль-Хусейн из племени Бану Джуф.

"Что значит на языке Степи Копьеносцев, языке остром, как меч, и "звонком", как меч: Выдающий-Себя-За-Пророка, Отец Всадников рода Тай, Ахмед, сын аль-Хусейна из южных арабов, рожденный близ благословенной Куфы".

Поэт и лихой рубака, бродяга и эмир, шах, носитель фарра, чангир. Он взял свой Кабир. Взял.

Сам.

Не мечом, но песней.

"Они слушают меня, открыв рты, они внимают тому, что выше нас, выше всех, они берут твой Кабир вместе со мной, заново, — посмотри в их глаза, мертвый череп! Там клубами плещет дым горящей столицы, там сшибаются всадника, там в стенном проломе бьются последние защитники Кабира; их взгляды полны огня и стали, их взгляды — зеркала, их души — зеркала, их жизнь, исковерканная тобой — зеркало, где теперь отражаюсь я-настоящий, я-живой, я-подлинный..."

Вообще, по моему скромному мнению, книга "Я возьму сам" Г. Л. Олди о человеке упрямом, идущем наперекор, вопреки. Свои поступки, своя жизнь, своя судьба.

Сильный человек. Волевой. С характером.

Жил-был... поэт. Странствовал. Состоял при дворах. Стихи писал. Жалел, что родился не в свое время. Вот бы годков этак на четыресста раньше. А лучше и вовсе на пятьсот, в славные времена джахилийи. Мечтал иногда (о-о, герои легенд и сказаний, вот вы жили, а мы — так, существуем), прекрасно зная: серая дерюга жизни никогда не обернется ярким узором вымысла. Джиннов и ифритов не бывает, это сказка.

Эх, мечтатель!

"Радуйся! — кажется, ты получил, что хотел, и теперь можешь вволю разочаровываться, обладая желанным".

Страшное это дело — сбывшиеся желания. А еще страшнее всеобщее почитание и поклонение. Любят ведь. Искренне. Самозабвенно.

Вот где мне ваша любовь, вот! Не верю! Птичка в золотой клетке.

Ан нет, взаправду. Тогда совсем плохо. Тошно, муторно.

Мечется человек-жаба, душу свою изводит, себя мучает. А других так и вовсе...

Понять хочет. Ищет. Не находит.

О Аллах, за что? За что-о-о?..

Ухватил, уцепил краешек понимания.

Ты — шах. Шах — это государство. Ты — государство. Поля, реки, горы. Дехкане, горожане, солдаты, стада, пасущиеся на полях. Государство нельзя ненавидеть, а вот любить очень даже запросто.

Он выиграл, победил, этот сильный человек, так похожий на Ожидающего в Храме и сказавший ему: "Неприкаянный я, перекати-поле... носит ветром... Бродим по миру тенями бесплотными..."

Но жизнь опять прожили за него.

Суровая строгость мавзолея. Барельефы. Стела "Взятие Кабира". На вечную славу Абу-т-Тайиба Абу-Салима аль-Мутанабби и его потомков.

"Все это было монументально, и величественно, и... лживо. Потому что всего этого не было. Никогда.

Ему снова силой всучили милостыню, предусмотрительно умертвив во второй раз, оградив тридцатилетним частоколом, чтобы связать упрямцу руки, чтобы не дать ничего изменить, хоть трижды пройди путь отсюда до Мазандерана!"

А еще никто не помнил его стихов...

"Врете! Я не хотел такой славы! Я не брал Кабир! Я не был эмиром! О, если б все это случилось на самом деле! Если бы... ведь я мог... Оставьте себе вашу славу, вашу жизнь, которую вы все сделали моей! Ну хоть кто-то, хоть один человек, вспомните меня! Один-единственный бейт моих стихов — и я покорно соглашусь с остальным!"

Не вспомнили. Никто. И ни один.

И тогда он стал петь их сам.

"О фарр-ла-Кабир, единственное, что ты не смог вплести в ткань своей изысканной шутки, — это кровь моего сердца, стрелы моего колчана, мои слова, рожденные из тех глубин, куда я сам редко осмеливался заглянуть... Все ложь: походы и завоевания, падения и взлеты, годы и фарсанги расстояний, имена и клички — все в мире ложь, кроме этого!

Спасибо тебе, Златой Овен. Низкий поклон, ибо без тебя я никогда не достиг бы понимания простой истины: можно возвести гробницы и дворцы, обойдясь без каменотесов и зодчих, можно воскресить мертвых и похоронить живых, швыряя жизнь со смертью игральными костями, путая чет с нечетом; но нельзя заставить кабирских чангиров петь мои песни, если я, я сам не захотел отдать им эти песни!

Это единственное, что поэт может сделать сам, и только сам!"

Он пел для простого народа, и благодарные слушатели почитали его за святого, а то и вовсе за самого аль-Мутанабби, вернувшегося с того света. Они укрывали его от властей, и поэт был счастлив чужим поступком, чужим выбором, чужой свободой.

"Он все-таки взял Кабир! Взял сам, как и хотел того — не мечом, но песней".

О Абу-т-Тайиб, о великий поэт-полководец! Живой, я живые тела крушу, стальной, ты крушишь металл.

И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Восставший над Судьбой.

"Мертвых не существует. Совсем".

А. БЕЛОГЛАЗОВ, Казань, Россия

ПРОВЕРЬ СВОЙ ГЭЕМОН!

Смирнов А. Повелители волшебства. — СПб.: Лениздат, "Ленинград", 2005. — 464 с. (Серия "Боевая фантастика")

Книга, повествующая о приключениях начинающего волшебника из технологического мира, который захватили злобные пришельцы из мира магии. Цель захвата? — да обыкновенное научное любопытство старого многоопытного мага. Чтобы спасти собственный мир — а заодно и душу захватчика — бедняга-новичок должен...

Здесь остановимся и подумаем. Что должен бедняга-новичок? Правильно, стать суперменом и надавать по морде (почкам, ауре и гэемону) всем плохим. А если плохие не столь уж плохи, да и хороших причислить к хорошим можно с очень большой натяжкой?

Из этого можно было бы сделать замечательную психологическую драму. А получился средней руки фэнтези-боевик. Написанный неплохим, живым языком, с довольно-таки прорисованными героями — некоторыми, со вполне достоверными диалогами... С очень большим влиянием Анастасии Парфеновой. С заезженными сюжетными ходами.

Любителям отдохнуть на диване с книгой в руках должно понравиться.

Хао ГРЭЙ, Киев, Украина

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Новой интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Новой интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы опубликованы в 2006 г., сообщить свои идентификационные коды.

Редколлегия "НИГ"

Десять долларов по курсу Центробанка

Этого мужчину я видел впервые. Привычно пробираясь сквозь суматоху Митинского рынка, я чуть не налетел на него, подталкиваемый чьими-то локтями и коленками. В мятом засаленном пиджачке низенького роста он выглядел типичным профессором второразрядного института или председателем клуба любителей бабочек. Но было в нем что-то особенное, смутно знакомое, вот только я не мог понять что. В руках у него был крепко зажат газетный сверток, а в глубине глаз сквозила тихая паника. Проявив чудеса изворотливости и дважды лягнув кого-то позади себя, я остановился нос к носу с мужчиной, про себя повторяя услышанные только позавчера и потому совершенно свежие ругательства.

— Мм, — сказал мужчина, и я вдруг понял, что чтобы разрядить ситуацию, я должен что-то купить.

Дело в том, что к нам на рынок люди приходят только по четырем причинам. Что-то продать, что-то купить, кого-то найти и просто поглазеть на диковинную технику. Этот мужчина явно никого не искал, не кружил по рядам, удовлетворяя свое любопытство, и не выискивал раритеты электроники семнадцатого века. Значит, он пришел сюда что-то продать.

— Что продаешь, отец? — быстро спросил я, в глубине души надеясь услышать рекламу какого-нибудь залежалого барахла и, улыбнувшись, молча нырнуть в человеческий поток.

— Верность, — мужчина вытянул вперед газетный сверток.

— В смысле? — не понял я.

— Хочешь, чтобы вы с женой жили душа в душу? Чтобы у тебя и никогда мысли не возникло изменить ей с кем-нибудь еще... Купи, — мужичок умоляюще посмотрел на меня.

— Да нет у меня пока жены... — вяло отмахнулся я.

— Нет, так будет. Или хочешь быть верным Родине? Народу... Может, совершишь подвиг, и тебе дадут орден...

— Посмертно, да? — я саркастически улыбнулся. — Залежалый товар предлагаешь, отец. Кому она сегодня нужна, твоя верность?

— Не хочешь верность? Тогда купи искренность... Будешь всегда говорить правду. Хочешь?

— Да меня шеф завтра же уволит... Как только я скажу, что половина фирменных сотовых телефонов ломаются в течение шести месяцев с момента продажи. Не, отец... не пойдет!

— А может... — мужчина прикусил губу, —...совесть. А?

— Да кому она нужна в наше время? Отец, ты что, с луны свалился? Предложил бы удачу, талант, везение... Ну, это бы еще куда ни шло. А совесть... Кстати, почем у тебя совесть?

— Двадцать у.е., всего двадцать у.е.! Купи, не пожалеешь!

— Да я тебе свою совесть продал бы за двадцать у.е.! Нет, даже за десять. По курсу Центробанка, — я улыбнулся.

— Ну, так продай, — мужичок заинтересованно посмотрел на меня.

— Держи, отец, — я лихим жестом поднес пустую руку к груди, сжал кулак и протянул его мужчине. — Ну, мне пора...

— Подожди, сынок... — В первый раз он назвал меня сынком, и внутри меня зародилось смутное беспокойство. — Возьми деньги...

Я принял из рук мужчины три мятые сотни и две десятки. И недоуменно проследил, как мужчина, прижимая что-то к груди, растворился в людском потоке.

— Привет, Игорь, — ко мне подошел Андрей, работающий со мной в одной палатке. — А почему тут так пахнет серой?

Д. ШОРИН,
Тула, Россия

Ответы на венгерский кроссворд №1, январь 2006 г.

1. Стращдество. 2. Монстрадамус. 3. Зорич. 4. Девочка. 5. Тролль. 6. Локи. 7. Николай. 8. Бульдог. 9. Черевички. 10. Селькирк. 11. Шумахер. 12. Психолог. 13. Кэрролл. 14. Золотухин. 15. Алла.

"НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА" — ЭТО:

- **A — "Магия, мистика"**
- **Aa — "Магия для семьи"**
- **A+ — "Оракул"**
- **D — "Невероятное"**
- **Dd — "Мир непознанного"**
- **D+ — "Антимиры"**
- **E — "Исцеление"**
- **Ee — "Помоги себе сам"**
- **F — "Для женщин"**
- **Ff — "Хозяюшка"**
- **G — "Загадки цивилизации"**
- **K — "Криминоген"**
- **Kк — "Криминальное чтиво"**
- **L — "Лабиринты любви"**
- **Ll — "Личная жизнь"**
- **R — "Для мужчин"**
- **S — "Special"**
- **X — "Икс-блок"**
- **J — "Тайны истории"**
- **Z — "Просто фантастика"**
- **"Магический кристалл"**
- **"Госпожа удачи"**

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Z ПРОСТО ФАНТАСТИКА

"Новая интересная газета. Z. Просто фантастика"
Реєстраційний номер
КВ №9521
від 17 січня 2005 р.

№ 3, 2006 р.

Засновник
Ольга КАЦАЙ

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Георгій СИМАКОВИЧ, директор
Юлія СОКОЛОВА, головний редактор
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Тетяна ГОРЛАЧ, заступник директора по збуту

Видавець:
ТОВ "Атол Прес"

Адреса редакції та видавця:
03047, Київ-47,
просп.Перемоги, 50, "Нова інтересная газета, "Z"
E-mail: prosto_f@ukr.net

Тел.: (044) 454-82-59
Тел/факс (044) 454-83-66

Коректор
Ірина ПРОЦКО

Друкується мовою оригіналу
За зміст та достовірність інформації відповідальність несе автор (рекламодавець)
Листування з читачами — тільки на шпальтах газети
Рукописи не рецензуються і не повертаються
При передруку посилання на "НИГ" обов'язкове
Ілюстрації не завжди є прямою відповідністю тексту

Віддруковано на комбінаті друку видавництва "Преса України".
03047, Київ-47,
пр.Перемоги, 50
Загальний наклад 302000
Зам.№3086047
від 02.03.2006 р.

